

ОПЕРАТИВНИК СИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КНИГА 2

Рафаэль Дамиров

18+

Рафаэль Дамиров

Оперативник с ИИ. Том 2

«Автор»

2026

Рафаэль Дамиров

Оперативник с ИИ. Том 2 / Рафаэль Дамиров — «Автор», 2026

Капитану полиции Егору Фомину не везет. Его карьера в уголовном розыске буксует, начальство ругает, а девушки обходят стороной. Но все меняется после случайного инцидента. Экспериментальный искусственный интеллект вселяется в мозг Егора. Теперь в его голове живёт цифровая девушка Иби — умная, ехидная и чертовски полезная. И вместе они раскроют больше, чем весь отдел. Вот только начальник и кадровик, во что бы то ни стало хотят избавиться от Фомина.

© Рафаэль Дамиров, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Рафаэль Дамиров

Оперативник с ИИ. Том 2

Глава 1

Я взял короткий разбег и ударил ногой изо всех сил. Бежать надо было сейчас, ведь та двоица тоже не дремала.

Р-раз! Решётка с грохотом вывалилась наружу, и в этот самый момент с треском поддалась дверь. В помещение ворвался кудрявый, за ним маячил его напарник.

– Стоять! – заорал ОСБшник, бросаясь ко мне и пытаясь схватить.

Сдача физо не только хорошо разогрела тело, но и заставила вспомнить едва ли не добуквенно все приемы. Всё свежо и на автомате. Я перехватил его руку, мгновенно выполнив тот самый загиб за спину, причем теснота туалета сыграла мне на руку. В итоге я развернул кудрявого так, что он оказался лицом к своему напарнику, затем рывком провернул ещё раз и толкнул его прямо в него. Они столкнулись, как кегли, стукнулись и повалились на пол.

Пистолетов у них, конечно, не было – не носят они их, привычки такой нет, работают-то с сотрудниками, а не с бандюганами. Да и никто не ожидал, что оперуполномоченный Фомин станет вести себя как настоящий урка, оказывая сопротивление и пытаясь сделать ноги прямо из сортира.

Я тем временем нырнул в окно, в освободившийся проём, уцепился за водосточную трубу, соскользнул ниже и дальше уже спрыгнул, погасив инерцию перекатом по земле. В горячке ничего не почувствовал: вроде бы, ничего и не отбил, но наш брат знает, под адреналином можно не заметить, как что-нибудь себе повредил.

– Иби, проверь состояние организма, – скомандовал я на бегу.

– Всё в порядке, Егор, – тут же ответила она. – Ни царапин, ни ушибов, ни гематом.

Кабинетные опера прыгать со второго этажа не рисковали. Они высунулись в окно, и кудрявый что-то заорал мне вслед, грозно, срываясь на визг. Что я усугубляю, что мне конец, что лучше сдаться.

Голос у него был лающий, резкий, будто по-немецки кричал какое-нибудь «шайссе». На секунду даже захотелось обернуться и крикнуть что-нибудь вроде «Русские не сдаются», но я не стал тратить на это время.

Обежал здание, уже собирался рвануть к своей машине, к бабиной «Волге», и тут вспомнил, что ключи остались в шкафчике, в раздевалке спортзала.

– Егор, – сказала Иби, – я построила оптимальный пеший маршрут для отхода. Нужно свернуть в Лётный переулок, миновать станцию метро и затеряться на следующей.

– Принято, – ответил я и уже собирался двигаться по этому маршруту, когда меня окликнул знакомый голос.

– Привет спортсменам!

Я обернулся. У роскошной спортивной тачки на парковке ОВД стоял Тоха. Антон, мой друг и одноклассник. Тот самый, из-за которого я и влип в драку, и который уже помог мне с бугаём с яхты.

– Ты куда бежишь? – удивлённо спросил он. – Я к тебе приехал, звоню-звоню, а ты трубку не берёшь.

– Антоша, – выдохнул я горячо, – если бы ты знал, как ты вовремя!

Я не стал ничего объяснять. Просто рванул к машине и запрыгнул к нему на пассажирское сиденье.

– Погнали!

– Куда погнали? – он недоумённо пожал плечами. – Что у тебя тут?..

– За руль, быстро! – рявкнул я. – Заводи. Уходим.

Тоха мгновенно подобрался. Из-за него я частенько бывал в переделках, но надо отдать ему должное: обычно он быстро понимал, что дело пахнет керосином. Вот и теперь без лишних вопросов прыгнул на водительское, дал газу, и заднеприводный зверь с визгом шин сорвался с места, шлифанув асфальт. Машина вошла в поворот с заносом.

По радио у него в салоне уже играла песня: «Усталость забыта, колыхается чад». В тему старая музыка.

Именно так я представлял себе погоню, как в кино. Но за нами никто не рвался. ОСБшникам нужно было время: пока они спустятся, пока добегут до служебной «Гранты», пока заведут, а мы были уже далеко.

– Что хоть случилось? – беспокойно спросил Антон, не отрывая глаз от дороги. – От кого бежишь? Ты же мент. От тебя все должны бегать. Ха!

– Всякое бывает, – хмыкнул я. – Непонятки у нас случились.

– М-да? И какого масштаба непонятки? – он бросил на меня быстрый взгляд.

– Похоже, меня в чём-то подозревают.

– В чём? – удивился он.

– Понятия не имею.

– Ха! Ну ты даешь! – прыснул Антон. – Ты столько всего наворотил, что даже не знаешь, за что тебя брать хотят? Большой, что ли, ассортимент?

– Нет, – сказал я, – не знаю как раз потому, что ничего не совершал.

Я замолчал и уставился в лобовое стекло, а в голове всплыло, как мы с Кирпичом закапывали в леске бандюганов, как вытаскивали тела из гаража, обматывали плёнкой. Но Кирпич-то хоть и с диагнозом, а профи, и работали чисто и без следов. Даже если бы кто-то когда-нибудь нашёл тела, ни одна ниточка не потянулась бы к нам.

Странно это всё. Очень странно.

Что же они такого на меня нарыли, что решили брать вот так, без повестки?

– Ты чего загрузился? – спросил Антон, скосив на меня взгляд.

– Да так, – ответил я. – Размышляю.

Я помолчал и вдруг вспомнил:

– А ты чего вообще приехал-то ко мне?

На лице у старого друга появилась лёгкая ухмылка.

– Да я тут хочу сгонять... – протянул он. – В Таиланд. А у меня цветочки без полива останутся. Поможешь по-братски, когда меня не будет?

– Да без проблем, – кивнул я.

И тут меня осенило.

– Тоха, а ты когда улетаешь?

– Да завтра.

– О, – оживился я. – Тогда, может, я у тебя и перекантуюсь на хате?

– Да запросто, – хмыкнул он. – На, держи ключи.

Он сунул мне связку.

– У меня второй комплект есть. Да вообще-то можешь хоть сегодня заезжать. Ты, я смотрю, теперь в бегах. Только почему в трико и футболке? – хохотнул Антон. – Тебя уже приняли, что ли? Из изолятора сбежал? Ещё бы в пижаме.

– Очень смешно, – буркнул я.

Я оглядел себя и понял, что со стороны действительно выгляжу так, будто вырвался из обезьянника.

– А мы куда, кстати, едем? – спросил я. – Куда ты меня везёшь?

– Пожрать, – хитро сказал Антон. – Есть один неплохой ресторанчик. Там лучшие стейки в городе.

Я поймал себя на мысли, что сейчас от куска мяса точно бы не отказался. Сдача нормативов выжгла всё, побег добавил адреналина, а когда напряжение отпустило, организм тут же потребовал топлива. Да побольше!

Ресторан оказался в цоколе. Тепло, темно, уютно, людей почти нет – ровно то, что мне сейчас было нужно. Мы плюхнулись на диванчик, полистали меню и, не слишком долго думая, сделали сытный заказ.

– Слушай, – сказал Тоха, – а ты чё, с Женей мутишь?

Я пропустил вопрос мимо ушей.

– Ну с той, с которой мы на яхте познакомились, – не понял моего молчания Бурцев.

– Да помню я, кто такая Женя, – ответил я. – Ну что тебе сказать. Встречались пару раз.

– О, ни фиги, – хлопнул в ладоши Антон. – Лёд тронулся. Наш мамкин пирожок, наконец, задружил. И это, между прочим, моя заслуга.

Он расправил плечи и с пафосом добавил:

– Запомни и запиши этот день. День, когда твой друг изменил твою жизнь.

– Слушай, у меня и так жизнь меняется слишком часто, – отозвался я. – Чаше, чем хотелось бы. Так что твоя заслуга тут, мягко говоря, меркнет.

– Ой, да ладно, – хлопнул он меня по плечу. – Я же знаю, что это какая-то ошибка. Не может Фомин быть бандюганом и вдруг оказаться в розыске.

Он вдруг задумался.

– Хотя... – протянул он. – Я вот помню, как ты на яхте того типа на танцполе уделал. Что-то тут нечисто. Наверное, ты не тот, за кого себя выдаёшь.

– В смысле? – опешил я.

– Ты не Егор Фомин, – с серьёзным видом проговорил Антон.

– А кто? – спросил я нарочито лениво и с усмешечкой, чтобы не показать, как меня зацепило.

– Ты... – он сделал паузу. – Не знаю, кто ты. Настоящего Егора, по ходу, похитили инопланетяне. – Ха-ха! – расхохотался он. – Видел бы ты своё лицо. Ну и рожа у тебя, Шарапов!

Я мимоходом улыбнулся в ответ. Пока мы ждали стейк, мне нужно было кое-что проверить.

– Дай-ка мне свой телефон, Тоха, – сказал я.

– Навсегда? – нахмурился он.

– Да нет, конечно. Позвонить.

– А, ну бери, – пожал он плечами и протянул мне айфон последней модели.

Свой телефон я оставил в шкафчике, в раздевалке спортзала, но номер Степаныча я запомнил наизусть. Как – сам не понял. Наверное, Иби помогла. Всё, что я когда-то видел или слышал, она каким-то образом вытаскивала из глубин памяти и подсовывала ровно тогда, когда это было нужно. Причём без запросов и команд.

Я набрал номер без запинки, вышел на улицу и встал в тени тополя, спрятавшись от палящих лучей послеполуденного солнца. Телефон очень плотно приложил к уху, стараясь говорить тихо.

– У аппарата, – пробурчал Степаныч.

Так он всегда отвечал на незнакомые номера – грозно, с напором, так что, я был уверен, половина телефонных мошенников отваливалась уже на этом этапе, понимая, что такого человека не прогнёшь.

– Владимир Степанович, это я, Фомин.

– Фомин, твою мать! – взревел он. – Ты чего натворил? Ты где? Ты когда в отделе будешь?

– На какой вопрос отвечать первым? – спокойно спросил я.

– Что? – недоумённо протянул он.

– Ладно, давайте по порядку. Чего натворил – не знаю, понятия не имею. В отделе не буду. И когда буду – неизвестно. Где нахожусь – не особо важно. Через полчаса меня здесь уже не будет.

На том конце повисла короткая пауза.

– Ты с чьего номера звонишь? – насторожился Степаныч.

– Не со своего, – ответил я. – Вы мне лучше скажите, зачем по мою душу из ОСБ приходили. Что вообще говорят?

– Да вообще... – пробурчал он. – Как бы да, дела нехорошие. Они тут рыскают, всех опрашивают. Как ты себя в последнее время вёл, что говорил, с кем контактировал, про что высказывался.

– А повод-то какой? – спросил я. – Основания какие?

– Убийство.

Я на секунду замер.

– Какое убийство? – нахмурился я.

– Тебя в убийстве подозревают, – сказал Степаныч глухо. – Ты у них единственный подозреваемый.

– Я? И кого я, интересно, убил?

– Того сотрудника НИИ, что нам презентовал хрень электрическую. Помнишь? Ты еще что-то там спалил, – ответил он.

– Ну помню... Савелий Маркович Скворцов. Там, вроде, сердечный приступ экспертиза показала. Возле пруда тело нашли, я выезжал на осмотр. И какие доказательства?

– Твою ДНК нашли на зажигалке.

– На какой ещё зажигалке?

– На той, что была зажата в руке трупа.

Я нахмурился.

– Подожди, Степаныч. Я же был на осмотре места. Ничего у него в кулаке не было.

– Это уже в морге нашли, – вздохнул тот. – Судмедэксперт. Короче... – он замялся, и даже через телефон я будто увидел, как он чешет лысину. – Как там по-умному? Эпителиальные клетки твои. Генотип твой. Пробыли по базе ДНК.

Он помолчал и добавил:

– А так как у нас все сотрудники типированы и в базе есть, совпадение вылезло сразу.

– Ну блин, – сказал я. – Я же мог на месте происшествия уронить зажигалку.

И тут я вспомнил, как она у меня пропала. Я тогда ещё думал, куда она делась...

– Ага, – буркнул Степаныч. – Уронил. А труп потом её пальцами зажал. Само получилось, да?

По голосу я слышал: он меня не обвинял, просто задавал нужные вопросы. Те, на которые полезно поискать ответы мне самому.

– Зажигалка – и всё? – спросил я. – Это все доказательства?

– Не всё, – сказал он. – Есть ещё некая гражданка Елена Сергеевна Золотухина. Кандидат наук. Тоже из НИИ, только не из нашего ведомственного, а из какого-то гражданского, смежного.

Я молчал.

– Так вот, – продолжил Степаныч, – она сказала, что ты её провожал. И в этот момент к вам подошёл Скворцов. Был у вас с ним конфликт. Причём такой, что вы чуть ли не подрались.

– И дальше? – спросил я.

Не стал пока ни соглашаться, ни опровергать.

– А дальше, по её словам, ты мог его подкараулить. Ну и... – он замолчал. – Убить.

– Так, погодите... – я совсем опешил. – Какое-такое подкараулить? Владимир Степанович, у нас же Савелий Маркович погиб от сердечного приступа. Такое заключение было.

– Было, да сплыло, – хмыкнул Степаныч. – Пришли результаты биохимии, гистологии и всей этой... херологии. Короче, нашли у него в крови вещество одно хитрое. Такое, что вызывает сердечный приступ. Убили его, Фомин. Отказной отменили, возбудили сто одиннадцатую.

«Хм, – подумал я. – Удобно они всё провернули. Когда нужно было, след от укола никто не замечал, а потом вообще труп сожгли вместе с моргом. А теперь, выходит, всё-таки успели отправить образцы тканей в головное бюро судебно-медицинской экспертизы. Успели. И когда стало нужно вывести меня из игры, эти анализы вдруг всплыли и пошли в ход. Ещё и Леночку каким-то образом приплели, с ее показаниями. Интересно, как именно на неё надавили, чтобы она выдала такую вот дичь про драку».

– В общем так, Фомин, – сказал Степаныч после паузы. – Давай не дуркуй. Дуй в отдел, будем сдаваться. Наймём тебе адвоката нормального, сами тоже пошевелимся, землю рыть будем. Я, если что, не верю, что ты причастен к убийству. А зажигалка... – он тяжело вздохнул. – Я не знаю, как она туда попала. Но будем работать на твоё вызволение.

– Спасибо, – сказал я. – Но я как-нибудь сам.

– В смысле – сам? – опешил Степаныч. – Что значит сам?

– Сам буду искать доказательства своей невиновности, – с напором повторил я.

– И как ты их найдёшь? – пробурчал он.

Я слышал, как он затягивается и выдыхает сигаретный дым с этим своим характерным, усталым шумом.

– Вы же старый опер, – сказал я. – Понимаете как. Только если найду настоящего убийцу.

– Ох, Фомин, – протянул Степаныч, – я из-за тебя совсем поседею. Я ж твой непосредственный начальник. Если ты встрянешь, спросят и с меня.

– Значит, придётся мне побыстрее докопаться до истины, – ответил я. – Будет двойная мотивация, так сказать.

Я даже улыбнулся.

– Вот знаю, что так делать нельзя, – сказал Степаныч после паузы, – но как я тебя сейчас убедить могу? Сдавайся, по уму-то. По закону.

Он помолчал немного.

– Ладно, – сказал он, наконец, понимая, что лучше и не искать аргументы. – Удачи, сынок.

– Вот она точно мне не помешает.

Я положил трубку первым.

Следующий звонок я сделал матери.

– Алло, кто это? – раздался её голос в трубке.

Конечно, я ведь снова звонил с телефона Антона.

– Мама, привет, это я.

– Сыно-о-ок! – воскликнула она так, будто услышала не сына, а голос человека, вернувшегося с того света после долгого молчания. – Что случилось, Егор?

Я даже представил, как она схватилась за спинку стула.

– Приходили из полиции, – продолжила она, не давая мне вставить слово. – Тебя искали. Да ты же сам там работаешь... Ой, господи, беда какая. Ты что, что-то натворил? Ты теперь преступник, скажи мне честно, Егор? Как людям в глаза потом смотреть?

– Да подожди ты, – перебил я. – Ничего я не натворил.

– А что тогда?

– Учение у нас. Оперативное. Отрабатываем поиск и задержание преступников в городских условиях. Я играю роль условного преступника, всё максимально приближено к реальности. Просто забыл тебя предупредить.

Легенда вышла какая-то дикая, я не слишком-то надеялся, что она поверит. На том конце трубки повисла пауза, но потом мать шумно выдохнула.

– Ой, слава богу... – проговорила она. – Слава богу. А я-то уж подумала... Вот дура старая. Как же я могла такое про тебя подумать. Что мой сын – преступник. Ох. Вот отец был бы жив, он бы сразу сказал, что такого быть не может, чтобы наш Егорушка...

– Мама, – снова перебил я. – Подожди.

– Ну?

– Ты мне лучше скажи, вот эта... Золотухина Елена Сергеевна. Она давно у вас на кафедре работает?

– Леночка-то? – сразу оживилась мать. – Так она в отпуске сейчас.

– Да, знаю. А давно вообще у вас?

– А что, – с хитринкой в голосе спросила она, – понравилась она тебе?

Я прикинул и решил не усложнять.

– Ну... есть маленько, – слукавил я.

– Ох, – вздохнула мать с явным удовольствием, – а вы бы хорошая пара были.

– Мам, – улыбнулся я. – Так давно она у вас?

– Да нет, – ответила она. – Недавно устроилась. Из другого города переехала к нам, ещё и года нет.

– И как ты так сразу решила ее со мной познакомить?

– Ну так у меня твоя фотография на рабочем столе стоит, – тут же ответила мать, и в голосе у неё зазвенело оживление. – Там, где ты худющий совсем, ещё на первом курсе академии МВД, в курсантских погонах. Она как увидела, так сразу глазками – зырк-зырк, и говорит: «Это что, ваш сын?» Ну я сразу и поняла, что вы друг другу понравиться можете.

– Ясно, – сказал я.

– А что, правда понравилась? – не удержалась она. – Она девочка хорошая, умная. Таких сейчас днём с огнём не сыщешь.

– Есть такое, – уклончиво ответил я. – Ты мне адресок её можешь сказать?

– Что, настолько понравилась? – засмеялась мать. – Так она же уезжала куда-то. Что толку тебе от адреса.

– Похоже, уже вернулась.

– Ну, я узнаю в кадрах, конечно, – пообещала она. – А что, срочно?

– Мам, – сказал я, – ты мне на мой телефон пока не звони и не пиши.

– А что такое? – насторожилась она.

– Я же говорил, учения. Всё по-настоящему. Так надо.

Она помолчала.

– А как тогда адрес Леночки передать?

– Пока никак, – ответил я. – Я сам тебе, если что, наберу. Ты приготовь.

– Ну ладно, сын, – вздохнула она. – Удачи тебе. Надеюсь, тебя не поймают, и ты сыграешь роль лучшего преступника. Дерзкого, умелого и хитрого. Может, потом ещё и грамоту дадут, за лучшего условного злодея.

– Спасибо, – сказал я и положил трубку.

– Иби, – проговорил я, – найди всё, что есть на кандидата наук Елену Сергеевну Золотухину.

– Уже ищу, – ответила напарница.

Глава 2

Была уже почти ночь, когда я раздобыл адрес Леночки Золотухиной. В этом, как и в нашем с ней знакомстве, помогла мне мать.

Проверка по базе ничего не дала. В нашем регионе Елены Сергеевны Золотухиной, кандидата наук, не нашлось. Иби сказала, что проверит по другим регионам. Но это займёт время.

Я же не стал откладывать разговор до утра. Очень уж не терпелось посмотреть в глаза этой Леночке. И послушать, что она скажет. Ведь получалось, что именно она оговорила меня.

Я, наконец, пришел к месту ее предполагаемого проживания. Задрипанная пятиэтажка, балконы залеплены кусками шифера, окна почти не горят. Лишь в одном свет. Как раз в той квартире, которая мне и нужна.

Это хорошо. Наша научная мышка не спит.

Вошел в подъезд, в котором нестерпимо воняло старыми тапками, поднялся на нужный этаж. Обшарпанная дверь говорила о том, что тут либо бичевник, либо квартира съемная, и уже сто тридцатый обитатель по счёту. Интересное выходит кино.

Я нажал на звонок, но он не работал. Хотел постучать, но тут заметил, что дверь вообще не замкнута. Расстегнул кобуру под рубахой, нащупал «Глок», вошел внутрь.

В нос ударил запах перегара, дешевого курева и квашеной капусты. Очень не похоже на квартиру, где живет кандидат наук. На полу такая грязь, хоть картошку сажай, как тот парень-марсианин.

Затертые до бетона грязные обои. В общем, обычная маргинальная блатхата. Ну, уходить от порога не буду, надо хоть навести справки, знают ли здесь Леночку.

– Эй, хозяйева! – крикнул я, но никто не отозвался.

В полумраке едва видно было, как какая-то тень, пошатываясь, направилась в санузел. Занятая этой важной дорогой тень никак на меня не реагировала, будто меня и не существовало.

Алкашного вида мужик, еле держась на ногах, ввалился в сортир. Он был настолько пьян, что шёл на автопилоте, как мне показалось, даже не открывая глаз, и дверь за собой не прикрыл.

Я заглянул внутрь. Он шарил рукой по ширинке, но никак не мог справиться с застёжкой, так что напоминал наугощавшегося музыканта, который, несмотря ни на что, продолжает играть на струнном инструменте.

Я прошёл дальше. В спальне на диване храпела какая-то пьяная тётка с фингалом под глазом, от неё разило спиртягой. Я чувствительно потряс её за плечо, но она только что-то пробурчала и перевернулась на другой бок.

На кухонном столе стояла закопченная сковорода с жареной картошкой, на треснутой тарелке забыты три подсохшие сосиски, на полу – две пустые бутылки из-под водки.

«Музыкант» всё так же покачивался в туалете, опираясь одной рукой о стену, а второй продолжая шупать невидимые струны. Нужно было как-то привести его в чувство. Я взял со стола сосиску, подошёл и вложил ему её в руку. Он удовлетворённо хмыкнул, будто прибор найден и осталось только навести прицел.

Пока целился, причём с закрытыми глазами, скользкая сосиска выскочила из пальцев и с характерным бульканьем нырнула в унитаз.

Такого крика от в дупель пьяного мужика я ещё не слышал: он заорал так, что дрогнули стены, вмиг протрезвел, распахнул глаза и теперь уже обеими руками щупал себя за ширинку.

С явным облегчением он нашёл свой «смычок», понял, что его разыграли, и развернулся в поисках хулигана.

– Ты кто? – пробурчал он.

– Свои, – коротко сказал я. – Лена Золотухина здесь живёт?

Он прищурился зло и пробурчал:

– А что тебе от неё надо?

– Шоколада, – отрезал я. – Не твоё дело. Где Лена?

В этот момент дверь в прихожей распахнулась, и в квартиру завалился ещё один алкаш. В руках две бутылки водки, зажатые так, будто это трофеи, и обе почему-то неполные. Морда красная, под глазом наливается свежий синяк, но выражение довольное, как у брокера, только что провернувшего удачную сделку.

– Фух, – выдохнул он. – Принёс! Получилось, мать их! Как всегда прокатило.

Он размахивал бутылками, выставляя их вперёд.

– Правда, охранник мне в глаз, падла, зарядил, – добавил он почти что с гордостью.

Музыкант обрадовался пузырям, и по обрывкам их фраз я быстро понял схему покупки водки после одиннадцати ночи: тот, что с фингалом, просто брал бутылку с прилавка и делал несколько глотков, а потом охрана и продавец вынуждали его купить её уже по факту. Срабатывало каждый раз. Но иногда с побоями.

– А это ещё кто? – наконец заметил меня тот, что с фингалом.

– Прикинь, Санька, – проговорил музыкант, – он к твоей Ленке пришёл.

– Чего? – Санёк поставил бутылки на стол, поплевал на руки и растёр ладони. – Да сколько вас сюда ходит? Ленка! Шалава, мля! К тебе опять хахаль приперся!

Но повернулся он при этом отнюдь не к Ленке. Он рванулся ко мне и ударил кулаком в лицо. Вернее, попытался ударить. Пьяный кулак летел в голову, но цели не достиг. Я уклонился и сразу ответил. Мой кулак пошёл навстречу, коротко и точно так, что в ту же секунду я пробил ему в подбородок.

Алкаш сел на пол, захлопал глазами, схватился за лицо и пробурчал с обидой:

– Ну вот... Весь вечер меня по роже метелят. Что за день такой?

В это время из спальни выползла сонная дама с фингалом.

– Чего орёте? – упёрла она руки в бока.

– Дак, Лен, вот, хахаль твой пришёл, – обречённо проговорил тот, и не пытаясь подобраться с пола.

Ленка окинула меня оценивающим взглядом, прищурилась, улыбнулась и пробормотала:

– Ну, это не мой хахаль. Но я бы не отказалась. Жа-а-аль, что не мой.

– Так, товарищи алкоголики-тунеядцы, – сказал я. – А теперь слушаем меня внимательно.

Елена Сергеевна Золотухина. Кто-нибудь знает её? Она здесь жила.

– Здесь только одна Ленка, – кокетливо сказала тётка. – Это я. А чё? Тебе одной Ленки мало?

И она поправила прядь волос, засаленных до такого зеркального блеска, что в неё можно было галстук поправлять, если б я заявился сюда при параде.

Ясно стало, что я попал не в ту квартиру, и адрес, который оставила в кадрах работница научного учреждения, был левый. Я, раздав алкашам профилактические подзатыльники и веско сообщив, что пить – здоровью вредить, вышел. Дверь за мной захлопнулась, щёлкнул замок, и уже оттуда донеслось:

– Ещё раз к Ленке придёшь – урою!

Хахаль разговаривал со мной через дверь, ведь только так он мог быть уверен, что ещё одну плюху не заработает.

Я спустился во двор, сел в машину.

– Егор, – сказала Иби, – это словно и не люди. Как будто... животные.

– А ты как будто плохо знаешь людей, – ответил я. – Вон сколько информации в свободном доступе.

– А когда видишь это вживую, не перестаёшь удивляться, почему они так опускаются, – недоумённо прозвенела та. Почему, Егор?

Я завёл двигатель.

– В вине есть мудрость, а в воде могут быть бактерии.

Кирпича я оставил у себя в квартире. Он сказал, что займётся поиском Серого, мол, знает его привычки, знает, по каким кабакам тот любит ошиваться, и рано или поздно обязательно его найдёт. Теперь у меня был уже не напарник, а сообщник, потому что сам я в этот момент оказался вне закона.

Сам же я переехал на квартиру Антона Бурцева. Квартира оказалась шикарной, с полным набором для нормальной жизни, даже с собственной сауной. Перед сном я погрел там кости, потом выпил большую кружку кваса, пусть и магазинного, не домашнего, но добротного. И уж потом лёг, но сон долго не шёл.

В голове роились мысли, и снова и снова я возвращался к одной – к размышлениям о Лене. Чем дальше, тем отчётливее мне казалось, что именно она ключ ко всей этой истории. Долго я ворочался, пока, наконец, не придумал, как к ней подобраться, и стоило этой мысли оформиться до конца, как я тут же провалился в сон.

Я сидел на заднем сиденье автомобиля ВАЗ-2104 в обеденное время. Машина стояла на парковке ОВД, и из здания начали небольшими струйками вытекать люди. Кто-то шёл домой, кто-то направлялся в ближайшую пельменную. Я знал, что Аркаша Катастрофа всегда ездит обедает с женой.

Он отомкнул машину, плюхнулся на водительское сиденье прямо передо мной, завёл двигатель. На улице стояла жара, в салоне с закрытыми окнами было настоящее пекло, но Аркаша, как всегда, грел двигатель и терпеливо ждал.

Он всегда говорил, что бережёт свою машину, старенькую «четвёрку», доставшуюся от отца, и потому обязательно прогревает двигатель, даже летом.

Коллеги над ним посмеивались, а он упрямо твердил, что рабочая температура должна быть девяносто градусов, и точка. Он вообще был единственным из сотрудников, кто ездил на отечественном.

– Привет, Аркадий, – сказал я ему за спиной.

Он подпрыгнул так, что едва не впечатался макушкой в потолок.

– Тихе, тихе, – я положил ладонь ему на плечо. – Спокойно. Это я, Егор.

– Егор... фу, блин, – выдохнул он. – Напугал. Как ты сюда попал?

– А ты как думаешь? Она у тебя отвёрткой открывается.

– Ты что... – он уставился на меня.

– Ты сам мне рассказывал, – пожал я плечами.

Особенность старых отечественных автомобильных замков – износ, котрый лишает их «секрета». Любой плоский предмет, и готово.

Он сглотнул.

– Егор, тебя же все ищут. Как так? Ты... зачем пришёл?

– Дело есть, Аркадий, – сказал я. – Ты успокойся. Главное, не волнуйся. Пусть ищут.

– Говорят, тебя в убийстве подозревают, – испуганно проговорил он.

– Говорят, кур доят. Не верь всему подряд. Я никого не убивал.

Я мысленно добавил: по крайней мере, не того, чьё убийство мне сейчас вешают.

– Да я-то верю, – быстро сказал он. – Ты же и мухи не обидишь.

При этих словах в голове всплыло, как я вонзил отцовскую лопату в горло одному из бандитов в гараже. Мухи – да, мух не обижаю. А вот плохих людей могу. Но это я оставил при себе.

– В общем, Аркадий, – сказал я, – помощь твоя нужна.
– Какая помощь? – насторожился он.
– Сгоняй в вещдоки, в камеру хранения. Раздобудь мне телефон. По тому уголовному делу, в котором меня подозревают. Мобильник Савелия Марковича Скворцова.
– А кто это? – моргнул Аркадий.
– Потерпевший, говорю же. Труп. Тот, которого я якобы убил.
Он замолчал, переваривая.
– Зачем тебе его телефон?
– Так надо, чтобы дело раскрыть. Поверь.
– Ну... – замылся он. – Я туда вообще-то без сопровождающего не хожу. И доступа к вещдокам у меня нет. Это только следак может.
– Так, хорош мять сиськи, Аркаша, – сказал я. – Всё ты можешь. Доступ у тебя есть, я же знаю.
– Да нет...
– Возьми ключи у тыловики, – перебил я. – Скажи, что тебе для экспертизы что-то нужно.
Не первый раз же.
– Там в журнале расписываться надо.
– Так ты не расписывайся.
Он поморщился.
– Ой, не знаю, не знаю, Егор... Сомнительно всё это. И Зойка ждёт.
Я наклонился ближе.
– Слушай, друг. Ты же помнишь, что я никому не сказал, как ты патрон варил. И что взрыв списали на петарду. Не забыл же? Так что за тобой должок.
Он тяжело вздохнул.
– Ладно. После обеда сделаю.
– Нет, – отрезал я. – Давай сейчас. Сейчас как раз обед. Народу в здании мало. Всё сделаешь тихо.
– Ох, Егор, – покачал головой криминалист. – Чувствую, подталкиваешь ты меня на... на правонарушение.
– Родина тебе потом спасибо скажет, – сказал я. – И я лично. Когда найду, кто за всем этим стоит.
– А кто стоит? – осторожно спросил он.
– Долго объяснять. Давай, Аркадий. Вперёд.
Он вылез из машины и послушно поплёлся в сторону здания. Через несколько минут вернулся, воровато озираясь, ввалился обратно в свою «четвёрку», вытащил из-за пазухи телефон и протянул мне.
– Вот. Только его потом вернуть надо. Его же хватятся.
– Конечно, верну, – сказал я. – Спасибо, Аркадий. Ты настоящий эксперт-криминалист.
Он помялся.
– А ты точно... про патрон... никому?
– Точно, точно, – заверил я. – Ладно, Зое привет.
А про себя подумал: эх, Аркаша, мне б твои... патроны.

Телефон был нужен мне, чтобы восстановить маршрут передвижений Савелия Марковича. В ту ночь, когда я провожал Золотухину, он появился словно призраком.

Я был уверен, что он за нами следил, точнее, не за мной, конечно, а за ней. И следил потому, что был, фактически, одержим, и, значит, мог знать её настоящий адрес. Знал, где она живёт. Тогда же, в разговоре, он обмолвился, что старается как можно больше ходить пешком.

На его телефоне нашлось приложение «Дожить до 90+». Геолокация включена, все пешие маршруты фиксируются, каждый шаг отмечается – вот такой вот ЗОЖ у человека.

Я сидел на кухне у Тохи. Впрочем, даже не знаю, называл ли он сам эту комнату кухней: это было огромное помещение, больше похожее на бар, чем на обычную кухню. Заварил себе лапшу быстрого приготовления, запах и вид которой совершенно не сочетались с роскошью квартиры. Готовить времени не было, приходилось довольствоваться этой гастарбайтерской подпиткой.

– Иби, – сказал я, – телефон зарядился. Поможешь найти все маршруты Савелия Марковича?

– Вхожу в приложение, – отозвалась она. – Возьми телефон и приложи ко лбу, так мне будет проще проникнуть.

– Ха-ха, рофлишь, – усмехнулся я.

Конечно, ничего прикладывать ко лбу я не собирался.

– Ну блин, Егор, ты уже выкупаешь мои приколы, – прошептала она. – Так неинтересно!

– Давай, давай, работай, напарница, – сказал я. – Нам нужно найти эту Леночку.

– Уже ищущу, – сказала Иби.

– Кстати, как там проверка фотографий по другим регионам?

– Пока тоже пусто.

Пауза.

– Вот, – наконец, отозвалась она. – Есть маршрут. Основные перемещения у Скворцова стандартные: работа – дом, дом – работа. Но есть ещё один участок. Он заходил в один и тот же двор несколько раз.

Я напрягся.

– И в тот вечер тоже?

– Да. По датам сходится: тот самый вечер, когда ты видел его в последний раз.

– Значит, не показалось, – пробормотал я. – Жаль, что геолокация не показывает конкретную квартиру. Только примерную точку.

– Ты же оперативник, Егор, – спокойно сказала Иби. – Квартиру ты и так найдёшь.

Я посмотрел на часы. Рабочий день подходил к концу, самое подходящее время для визита. Мать говорила, что Леночка в отпуске, но с учётом того, что она фигурирует в показаниях против меня, да и адрес оставила ложный, вряд ли она на самом деле куда-то уехала. Скорее всего, она всё ещё в городе.

Я надел поверх футболки рубашку навывпуск, специально на размер больше, чтобы прикрыть кобуру. Раз уж я в розыске, моя машина тоже могла быть засвечена, так что я решил передвигаться на общественном транспорте.

Доехал до нужной станции на метро, вышел, прошёлся пешком и оказался во дворе, который совпадал с точкой на карте. Дом выглядел обычным, ничем не примечательным. Подъезд с домофоном, дверь закрыта на магнитный замок.

– Иби, – сказал я, – подбери код двери.

– Вариантов около двух тысяч пятисот сорока четырёх, – сказала Иби. – Если отсеять редкие комбинации и взять наиболее вероятные, останется примерно семьдесят пять. Если учитывать затёртость кнопок, наиболее распространённые связки, то выходит тридцать четыре варианта.

– Блин, долго, – сказал я. – побыстрее нельзя?

– Можно, – ответила она. – Магнитный замок такого типа не рассчитан на рывковую нагрузку.

– Это как? – спросил я.

– Дёрни двумя руками за ручку сильнее. Дверь откроется.

Я так и сделал. Р-раз! – дверь бухнула, как от выстрела, и поддалась.

Я вошёл внутрь. Квартир много, геолокация-то показала только подъезд, а не конкретную квартиру.

– Так, какие будут мысли? – спросил я.

– Егор, – сказала Иби, – тут я затрудняюсь что-то подсказать.

– Эх, – усмехнулся я, – ты же теперь с опером работаешь. А для опера самый главный метод какой?

– Какой? – поинтересовалась она.

– Метод личного сыска. В частности поквартирный обход.

– Ты что, будешь обходить все квартиры?

– Нет, конечно. Нам нужна либо старшая по подъезду... – я задумался. – Либо просто старшая. Та, которая здесь живёт дольше всех.

– Бабушки, – догадалась Иби. – Те, что с самого заселения дома здесь. Они всегда всё про всех знают. Я правильно мыслю?

– Молодец, ты настоящий сыщик, – похвалил я. – Есть нюанс. Осталось понять, где именно живёт эта бабушка.

– Анализирую запах, – сказала Иби.

– Ты что, бабушку по запаху искать собралась? Ты что, нам живые нужны.

Но напарницу просто так было не сбить.

– В квартирах, где пахнет кошками, вероятность проживания одинокой пожилой женщины выше.

– Молодец, – сказал я. – Восхищаюсь.

Глава 3

Лишь только я собирался постучать в дверь, где, как предположила Иби, проживает старожилка подъезда, как сзади хлопнула дверь, и на лестничной площадке раздались шаги. Я обернулся.

Опа! На ловца и зверь бежит.

Леночка собственной персоной. Всё та же серенькая мышка в невзрачном платице, волосы стянуты в хвостик, на лице ни следа косметики. Увидела меня, остановилась, глазками хлопает.

– Ну здравствуй, Елена прекрасная, – сказал я, улыбнувшись одним уголком рта. – Телефонами-то мы с тобой не обменялись.

– Егор... – выдохнула она. – Как ты меня нашёл?

В голосе дрожь, и это сразу чувствовалось.

– Да ты не бойся, – сказал я. – Я не преступник и не убийца. Просто хотел бы понять, с чего ты-то так решила.

– Я... я ничего такого не говорила, – сказала она и попятилась назад.

– Давай это обсудим не в подъезде, – предложил я. – Позовёшь на чай?

Она замялась.

– А... ты точно не преступник? Просто после той ночи Савелий Маркович погиб. Приходил следователь, сказал, что его убили.

Вспомнился анекдот, хорошо отражающий нашу современность. Я мол, спросил у мошенников, не мошенники ли они – и они сказали, что нет.

– И ты подумала, что это я? – спросил я.

– Меня спрашивали, – тихо пробормотала Лена. – Спрашивали, с кем у него были конфликты в последнее время. Я сказала, что с тобой у вас чуть не дошло до драки. Больше ничего. Правда.

– Ну так что насчёт чая? – снова спросил я.

Она посмотрела на меня внимательно и кивнула:

– Да, конечно. Пойдём. И всё-таки, как ты меня нашёл? – спросила она уже на лестнице.

– Ну я же в полиции работаю, – ответил я. – Ты разве забыла?

Мы поднялись на второй этаж и вошли в квартиру. Обычная однушка, но ремонтник неплохой, свежий, аккуратно и довольно уютно.

– Ты какой чай будешь? – спросила Лена, когда мы прошли на кухню. – Зелёный или чёрный?

– Сладкий, – ответил я.

Она принялась колдовать с заварником, включила электрический чайник, и я заметил, как она напряжена: постоянно сдувает выбившуюся прядь волос, нервно, будто пытается избавиться от неё раз и навсегда. Движения суетливые и дёрганые, выдают внутреннее напряжение.

– И что конкретно у тебя спрашивал следователь? – поинтересовался я. – Это не праздный интерес, пойми. На кону моя репутация и даже свобода. Из-за твоих показаний я теперь первый подозреваемый в убийстве учёного.

– Я... я не помню, – сказала она быстро. – Он много спрашивал. Ой, прости. Я правда не помню, что наговорила.

Она схватилась за голову, растирая виски, будто её донимала головная боль.

– Что-то ты, Елена Сергеевна, темнишь, – сказал я. – Расскажи всё, как было.

Она тяжело выдохнула, словно решаясь.

– Прости, Егор. Я не хотела, правда. Но на меня надавили. Мне угрожали. Прости, пожалуйста, если я тебе навредила. Они сказали, что просто проверят тебя, и ничего такого не будет. Что ты сотрудник, а сотрудники не могут быть подозреваемыми.

– Кто это – они? – спросил я.

– Ну... эти люди. Со следователем был ещё один. Страшный. Ужасный.

– Так. Отсюда поподробнее, что ужасного в нём? Опиши его.

– Лысый. Лицо угловатое. Челюсть тяжёлая, как у бульдога.

Я пролистал фотографии в смартфоне и открыл фоторобот Серого – тот самый субъективный портрет, который мы сделали с Иби через специальное приложение, аккуратно воссоздав признаки внешности киллера.

– Этот? – спросил я.

– Да, – сказала она сразу. – Да-да, это именно он.

Слова всё ещё срывались с губ торопливой дробью, голос у неё срывался, взгляд спрятала, будто стыдилась.

– Прости, Егор. Я не хотела... Ой, что же теперь делать... мамочки... что теперь будет...

Она шмыгнула носом и вытерла глаза тыльной стороной ладони.

А я мысленно обратился к напарнице.

– Иби, проверь. Врёт она или нет?

– Судя по психофизиологическим параметрам, – проговорила Иби, – на шестьдесят процентов она говорит правду.

– Это как – на шестьдесят? – уточнил я. – А на сорок, выходит, врёт?

– Не совсем так, – ответила она. – Я лишь на шестьдесят процентов склоняюсь к тому, что она говорит правду.

– А на остальные сорок?

– Высока вероятность искажения информации. Сознательного или вынужденного.

– О как, – подумал я. – Раньше ты раскусывала всех сразу.

– Здесь всё сложнее, Егор, – сказала Иби. – Эмоциональный фон неровный. Если она говорит правду, значит, перед нами один тип личности. Если врёт – так искусно может врать только специально подготовленный человек.

– Специально подготовленный? – я нахмурился. – Она что, спецгент?

– Я не могу дать достоверный ответ, – сказала напарница. – Нужно больше контакта. Наблюдение, дополнительные тесты, желательны незаметные.

Я отхлебнул чай. Он оказался терпким, приторным, в общем, откровенно невкусным.

– Тебе не нравится чай? – спросила хозяйка. – Это мне подарили, экзотический.

– Нормально, сойдёт, – ответил я. – Мне не нравится другое. То, что ты сделала.

– А что я могла сделать? – голос у неё дрогнул. – Я боюсь, Егор.

Она всхлипнула.

– Я даже в отпуск ушла, чтобы не появляться нигде. На работу не хожу. Думаю вообще уехать, уволиться. Мне в жизни никто так не угрожал, понимаешь?

Она снова вытерла глаза тыльной стороной ладони, шмыгнула носом.

– Иби, а ну-ка посмотри радужку глаз, – мысленно сказал я. – Есть покраснение?

– Нет, – ответила Иби.

– А это значит... – подумал я.

– Это значит, что она не плачет на самом деле, – сказала Иби. – Она имитирует.

Я снова хотел отхлебнуть чаю, но что-то меня удержало.

– Егор, – вдруг сказала Иби, – я фиксирую в организме постороннее вещество.

– Твою мать, – вырвалось у меня уже вслух.

– Что? – встрепенулась Леночка. – Что случилось?

Я посмотрел на неё строгим взглядом, перестал притворяться другом и всепонимающим товарищем. Эта женщина дала о себе ложные сведения, а теперь пыталась скормить мне под видом чая какую-то дрянь.

– На кого ты работаешь? – прямо спросил я. – Хватит ломать комедию. И что ты подмешала мне в чай?

– Я не понимаю, о чём ты, Егор, – сказала она. – Ты что, в чём-то меня подозреваешь? О, господи, это звучит так нелепо. Прости, но твои обвинения меня оскорбляют.

Она всплеснула руками и, прижав их к груди, сделала шаг назад.

– Сядь, – сказал я. – Сядь, чтобы я тебя видел.

Но она не садилась и взгляд выдала обиженный: мол, сидеть рядом с тобой я не буду.

– Ты действительно думаешь, что я всё это специально? – продолжила она. – Ты позвони своей маме, спроси. Я же работаю с ней на кафедре. Я научный сотрудник. Я кандидат наук.

И всё пяtilась к шкафчику.

– Сядь, – повторил я и приподнял рубаху, под которой была кобура с пистолетом. – Я не воюю с женщинами. Но если ты преступница, мне придётся применить силу, если не будешь подчиняться моим указаниям.

И тут произошло невероятное. Леночка вдруг преобразилась. От испуганной мышки в одну секунду не осталось и следа. Холодный блеск в глазах резанул злобой и гневом. Она метнулась к шкафу, схватила нож и бросилась на меня.

Я хотел выдернуть пистолет, но моя рука просто не успела. Движения оказались вялыми и заторможенными.

«Чёрт, что за ерунда», – мелькнуло у меня.

– В чае снотворное, – сообщила Иби. – Большая доза. Мы вовремя вычислили, что нечто подмешано, но ты всё-таки сделал глоток, поэтому эффект есть.

Бросив тянуться к оружию, я оттолкнул от себя кухонный стол, перекрыв проход девушке с ножом. Она двигалась точно и уверенно, будто натренированный боец, владеющий холодным оружием. Легко обогнула стол, чашки и чайник с грохотом посыпались на пол, раздался звон.

В следующий момент я уже успел расстегнуть кобуру и вытащить пистолет, оставалось только навести. Леночка мгновенно оценила ситуацию, поняла, что до меня ей не успеть, и метнула нож.

– Осторожно, Егор! – крикнула Иби.

И хоть тело моё было ватным, а движения замедленными из-за снотворного, я каким-то образом всё же ушёл от летящего ножа. В последний миг корпус сам повернулся, и лезвие прошло возле уха. Снова сработал рефлекс, снова Иби каким-то образом помогла, как тогда, с движением века и азбукой Морзе.

Я скинул пистолет, но стрелять было уже не в кого. Леночка резко развернулась и выскочила из кухни, затем и вовсе из квартиры, и через секунду о ней напоминал только звук хлопнувшей двери. Я поднялся на ноги, чувствуя, как они предательски подгибаются, спустился вниз, но во дворе, естественно, уже никого не было.

– Это не Леночка, – сказала Иби.

– Что? – нахмурился я.

– Я, наконец, нашла кандидата наук Елену Сергеевну Золотухину. Загружаю изображение тебе в телефон.

На экране появилась фотография полной тётушки в огромных очках, с болезненным, но очень умным лицом.

– Вот это и есть Елена Сергеевна, кандидат наук. Проживает во Владивостоке, – сообщила Иби.

– Тогда кто же это был? – пробормотал я, пожав плечами. – И главное... мать ведь сама её ко мне привела.

– Я не знаю, Егор, – ответила Иби.

– Ладно, будем мыслить логически, – сказал я. – Получается, эта «Леночка», будем пока называть её так, оговорила меня и при этом сама была последней, кто видел Скворцова живым. Значит, скорее всего, именно она его и убила. Инъекция в шею – способ аристократический, аккуратный, как раз под неё.

Я помолчал и добавил:

– Но тогда возникает главный вопрос. Почему она работала вместе с моей матерью в научно-исследовательском институте?.. Наверное, она туда устроилась, чтобы быть ближе к Скворцову. Они же вместе участвовали в какой-то конференции, готовили совместный доклад. Значит, её внедрили специально, чтобы подобраться к сотруднику, который занимался разработкой тебя как искусственного интеллекта. Но он не раскусил, что она – не учёный. Нехило.

– Но почему тогда не в НИИ МВД сразу? – спросила Иби. – Почему в смежный гражданский институт?

– Потому что в НИИ МВД так просто не устроишься. Там либо люди в погонах, либо гражданские госслужащие, а это проверки, запросы, личные дела, проверка родственников. Она бы такую фильтрацию не прошла. А вот в гражданский институт по чужим документам – пожалуйста. Судя по всему, её готовили заранее.

– Понятно, – сказала Иби. – Значит, она из той команды, которая работала против внедрения системы искусственного интеллекта в МВД.

– Да, – подтвердил я.

– И о ней никто не должен был знать, – задумчиво добавила Иби.

– Так. Оцени состояние моего организма, – сказал я.

Кажется, выходило уже побойчее.

– Действие снотворного идёт на спад, – подтвердила она. – Двигательные навыки полностью восстановятся примерно через сорок минут. До этого времени за руль тебе нельзя.

– Ладно, не будем. Значит, пока осмотрю квартирку, – сказал я. – Хотя вряд ли что-то найду.

Я поднялся обратно в брошенную квартиру. Скорее всего, жильё съёмное, временное. Так и оказалось: ничего особенного. В ванной – зубная щётка, паста, шампунь. В шкафу – обычная одежда, несколько вещей из базового гардероба, без изысков. Ни оружия, ни средств слежения, ни техники, ничего подозрительного.

Впрочем, это было ожидаемо. Если она агент, на такой незаконспирированной квартире она бы ничего не хранила. Это просто место, чтобы переночевать и исчезнуть.

– Мы её упустили, – сказал я. – Да и тут никаких зацепок. Но есть и хорошие новости.

– Какие? – спросила Иби.

– Теперь я смогу снять с себя обвинение, – ответил я и мысленно улыбнулся.

– Как?

– Увидишь.

– Егор, что за тайны? Говори уже, как ты собираешься себя реабилитировать?

– А ты сама как думаешь?

– С уголовно-процессуальной точки зрения, – начала рассуждать она вслух, – показания человека, который выдавал себя за другую личность, являются недействительными.

– Именно, – подтвердил я. – Теперь у нас есть козырь.

– И не только козырь, – довольно добавила Иби. – У нас появляется ещё один подозреваемый.

– Точно, – кивнул я. – Нужно сказать следоку, у кого дело, что настоящая Елена Сергеевна Золотухина живёт во Владивостоке. Пусть отменяет постановление об аресте.

– Значит, идём сдаваться? – обеспокоенно спросила Иби.

– Нет, – ответил я. – Пока рано. Это надо делать аккуратно. Ты же понимаешь, хрен знает, кто там замешан. Прежде чем мои слова вообще начнут проверять, уверен, найдут способ меня прижать или ещё раз подставить.

– И что же делать? – спросила она.

– Нам нужны помощники, – сказал я. – Например, Степаныч вполне подойдёт.

– Ты ему доверяешь? – уточнила Иби.

– Да, – ответил я после паузы. – А что?

– Просто иногда, когда речь заходит о твоём отце, он меняется, – заметила она. – У него появляются нехарактерные паузы, заминки в речи. Он мнётся. И, возможно, врёт.

– Ну не знаю.

– Но не забывай, именно он тогда отправил тебя в тот бокс, где якобы был нелегальный швейный цех. А на самом деле ты там мог погибнуть.

– Да, я помню. Но всё равно у меня не вяжется, что Степаныч – предатель, – продолжил я. – И доказательств никаких. Одни физиогномические предположения.

– И у меня тоже, – согласилась она.

– Ну и хорошо. Значит, выходим на Степаныча.

Я достал телефон. Аппарат был не новый, а купленный в ломбарде. Сим-карту я оформил на какого-то алкаша: за небольшую плату тот с радостью предоставил паспорт в салоне связи.

Я набрал номер.

– Это я, Фомин, – сказал я, когда Степаныч, как обычно, недовольно пробурчал что-то в трубку на незнакомый номер.

– Фомин! – воскликнул он радостно. – Нашёлся!

– Ну, как бы я в бегах, – сказал я. – Я и должен был потеряться.

– Да нет, всё нормально, – отозвался Степаныч. – Можешь не скрываться. Тебя везде ищут. Ну, в смысле, мои хлопцы ищут. С тебя все подозрения сняты.

– О как, – удивился я. – А что случилось-то?

– Да наш новый начальник подсуетился.

– Ваш новый начальник? – переспросил я, удивляясь ещё больше.

– Не ваш, а наш. Теперь и твой тоже, – поправил Степаныч. – Прислали нам из столицы молодого, деятельного, хваткого. Не то что был Верёвкин.

– О как, – сказал я. – То есть начальника ОМВД по Красногвардейскому району уже утвердили, никаких ври? Так быстро? И кого?

– Да-да-да, – подтвердил Степаныч. – Я же говорю, с головой мужик. Сразу вник в дело, начал разбираться. В Следственный комитет съездил, дело посмотрел. Всё-таки против тебя дело было, против своего сотрудника. Нашёл нестыковки.

– Какие нестыковки? – спросил я.

– Ну там... основной свидетель, которая против тебя показания дала, оказалась с поддельными документами. Выдавала себя за другую личность.

– Ничего себе, – сказал я.

– А ты не мог это нарыть сам? Стыдно, Фомин, стыдно.

– Ну вообще-то, – пробурчал я в ответ, – я это уже как раз и нарыл. Я вам и звоню, чтобы сказать: Елена Сергеевна Золотухина совсем не Елена Сергеевна.

– И ты тоже докопался? – удивился Степаныч.

– У меня есть адрес квартиры, которую она снимала и где проживала, – продолжил я. – Нужно срочно отправить туда следственно-оперативную группу. Снять следы рук, поискать, изъять возможные биологические следы, установить ДНК, занести в базу. Хотя вряд ли будет результат.

– Думаешь, в базе её нет? – спросил Степаныч.

– Уверен. Скорее всего, она не уголовница.

– А кто? – нахмурился он.

Я не видел, как он хмурится, но почувствовал это по тому, как изменился его голос. Румянцев явно даже перестал затягиваться сигаретой.

– Не знаю, кто, – сказал я. – Но ножи она умеет метать на отлично.

– Ножи метать? Ты это про что, Фомин? – насторожился Степаныч.

– При встрече расскажу, – ответил я. – Нормально тогда поговорим, на работе.

– Приезжай, – буркнул он. – А то ты, вообще-то, уже прогуливаешь рабочее время.

Я только ухмыльнулся. То разыскивают, а то дуй на смену, как штык.

– Хорошо, еду.

– Разрешите, товарищ подполковник? – постучавшись в дверь нового начальника ОВД, спросил Степаныч.

За ним стоял я.

– Да, заходите, – отозвался голос.

Довольно молодой для начальника такого уровня.

Когда мы вошли в бывший кабинет Верёвкина, за столом сидел молодой мужчина в форменной рубашке с коротким рукавом (летний вариант), с голубыми погонами в тон, на них подполковничьи звёздочки, улыбчивое лицо, чуть округлившееся от кабинетной работы, но глаза живые и энергичные. Причёска без намёка на залысины, волосы густые, лишь лёгкая сетка морщин в уголках глаз выдавала, что перед нами вообще-то уже не мальчик.

Новый начальник поднялся, и было видно, что телосложение у него крепкое. Он без всякого пафоса подошёл к нам, пожал руки.

– А это, значит, и есть наш герой? – глянул он на меня, сощурившись и одобрительно хмыкнув.

– Так точно, Валентин Валерьевич, – подтвердил Степаныч. – Это и есть капитан Фомин, наша, так сказать, новая звёздочка уголовного розыска, сыскарь от бога.

О, как загнул. Раньше про меня так никто не говорил.

– Наслышан, наслышан, – проговорил Валентин Валерьевич, жестом пригласил нас сесть и сам опустился в своё кресло. – Ну что ж, товарищ Фомин, можете приступить к служебным обязанностям.

– Уже приступил, товарищ подполковник, – умеренно бодро ответил я.

– Это хорошо, – кивнул он. – Потому что у нас тут много тёмных дел накопилось, пока вы, так сказать, в бегах были. По суткам мало что раскрывается, я сводки посмотрел. Выезды слабо обрабатываются, следственно-оперативная группа буксует, куча недостатков. Но ничего, будем работать, да?

Владимир Степанович согласно кивнул.

– А вы не думали, Владимир Степанович, Фомина перевести на должность старшего оперуполномоченного?

– Ну так у нас же нет свободных мест старших, – осторожно ответил Степаныч. – Должности все заняты.

– Значит, нужно кого-то подвинуть, – спокойно сказал новый начальник. – Если человек хорошо работает, его надо поощрять и продвигать. А те, кто засиделся на должностях, возможно, уже и не тянут. Присмотритесь внимательно.

– Хорошо, порешаем кадровые передвижки. Подумаем, как сделать, – согласился Степаныч.

И не то чтобы покорно, а будто бы и сам всё это только и обдумывал.

– Подумайте, подумайте, Владимир Степанович, – кивнул начальник. – И зайдите потом ко мне с конкретными предложениями.

– Да вообще-то не стоило... – вмешался я. – Смещать кого-то, перемещать ради моего повышения. Мне и на должности оперуполномоченного нормально.

– А я считаю иначе, – спокойно сказал Валентин Валерьевич. – Человек должен работать на той должности, которой соответствует. Если он реально тянет большее, держать его ниже неправильно. Если есть рвение, есть блеск в глазах, а не просто протираные штаны, значит, и двигаться по службе такой человек должен.

Он посмотрел прямо на Степаныча.

– Я таких принципов придерживаюсь.

– Это верно, – одобрительно закивал Владимир Степанович.

Новый начальник ему явно понравился. И не только потому, что говорил правильные вещи. Скорее, потому, что озвучивал принципы, которые в нашей системе давно стали редкостью. Ещё отец мне говорил, да и сам я видел: можно было работать сутками, рвать жилы, а в итоге не получить ни уважения, ни продвижения, зато всегда находил повод докопаться до какой-нибудь мелочи. Докопаться у нас умели даже до столба.

А тут звучало что-то новое. Или, скорее, как хорошо забытое старое. Отец рассказывал, что раньше, ещё в советское время, многое действительно строилось по таким принципам справедливости.

Мы вышли из кабинета. В коридоре как раз появился рабочий с отвёрткой и табличкой в руках. Он снял с двери табличку с фамилией «Верёвкин» и начал вешать новую:

«Еремеев Валентин Валерьевич»

И второй строкой: «подполковник полиции».

– Почему он подполковник, интересно? – спросил я Степаныча, когда мы отошли от кабинета. – Должность-то полковничья.

Он пожал плечами.

– Ну, видишь, какой молодой. Не успел, видимо, дослужиться ещё. Здесь он быстро полкана получит. Годик поработает, показатели подтянет, и всё, проблем не будет. А нормальный мужик он, да? – спросил Степаныч, глядя на меня внимательно.

– Вроде, нормальный, – ответил я. – А откуда он вообще перевёлся?

– Да кто его знает, – отмахнулся Степаныч. – Представили как руководителя со стажем. Говорят, каким-то подразделением МВД в столице руководил.

Он помолчал и добавил:

– А ты вот что, Фомин, давай-ка завтра на дежурство выходи. А то и правда по суткам сейчас без тебя глухо. Раскрывать надо.

– Как же вы без меня раньше работали, Владимир Степанович? – усмехнулся я.

– Сам не представляю.

И прозвучало это даже не как обычная острота. В этот момент у Степаныча зазвонил мобильный. Он на вызов ответил. А едва послушав, нахмурился и давай выдавать нагоняй:

– Ну и плохо, что ни хрена не совпало. Плохо работаете. В смысле – сделали всё, что могли? Мало, значит, сделали. Пишите объяснение... А, ну да, вы не мои подчинённые. Ну и плохо, что не мои подчинённые.

Он отключился и раздражённо выдохнул.

– С кем это вы так? – спросил я.

– Эксперты из ДНК-лаборатории экспертного центра, – буркнул он. – Я их просил побыстренькому пробить ДНК, которое изъяли в квартире, где жила эта... псевдо-Леночка.

Он тяжело вздохнул.

– И представляешь, все образцы, что там нашли, все следы с предметов личного пользования – непригодны для идентификации.

– Как это? – удивился я. – Как такое вообще может быть?

– Говорят, деградировала ДНК, – ответил Степаныч.

– Чего она сделала? – переспросил я.

– Деградация ДНК, – тут же пояснила Иби, – это разрушение биологического материала вследствие воздействия факторов внешней среды либо времени. В первую очередь деградируют клетки с тонкой оболочкой. ДНК человека содержится в ядре клетки и при таком воздействии разрушается, после чего становится непригодной для генотипического исследования.

Это я, конечно, знал, но вот как такое могло приключиться, неясно.

– Там же свежие следы были, – не унимался я. – Она прикасалась ко всему: полотенце, зубная щётка, посуда. Всё это было. Как такое возможно? Она что, терминатор, который вообще не оставляет ДНК?

– Эксперты предположили, что квартиру облучили, – сказал Степаныч. – В смысле, ультрафиолетовыми лампами.

– И что, это реально влияет? – удивился я.

– Ультрафиолет – один из сильнейших факторов деградации ДНК, – подтвердила Иби.

– Всё ясно, – подумал я. – Кто-то целенаправленно почистил квартиру, чтобы мы не смогли установить личность той Леночки.

– Получается, что так...

– А следы рук? – спросил я. – Следы рук же изымали. Они-то не могут деградировать.

– Изымали, – кивнул Степаныч. – На столе, на посуде, на дверцах шкафа. Всё как положено. Только по базе они не бьются. Нет её в базе. По пальчикам – ноль.

– Ну точно какой-то агент, – хмыкнул я.

– Да откуда у нас такое, в нашем городе? – с сомнением пожал плечами Степаныч.

– Не знаю, – только и мог сказать я. – Но всё это очень странно.

Мне хотелось рассказать ему всё. Про искусственный интеллект, про попытки сорвать его внедрение, про охоту на Иби и ее прототип – Ингу Беловскую. Но что-то внутри удерживало. Я чувствовал, что пока не готов делиться этим ни с кем. Даже со Степанычем.

Глава 4

На следующий день я заступил на суточное дежурство в качестве оперативника, и с утра сразу же нарисовался выезд. В дежурную часть по телефону сообщили, что совершена кража века. Ущерб – около миллиона рублей, а случилось всё на местной птицефабрике, небольшой, хоть и за городом, но входящей в зону обслуживания нашего ОВД.

Как водится, дежурный обзвонил всех сотрудников, собрал следственно-оперативную группу, поднял сонного водителя, который с утра уже успел кемарнуть в комнате отдыха дежурной части. Только заступил на смену, и сразу с кобурой и пистолетом улёгся.

Вообще водители дежурной части, работа которых носила суточный характер, обладали уникальной способностью спать везде, всегда, в любых условиях и любое количество времени. Будь то минутка в припаркованном УАЗике за рулём или полноценный сон, развалившись на кровати в комнате отдыха.

Сейчас, по новым требованиям, в дежурных частях оборудовали комнаты отдыха. А раньше, когда ещё пацаном я приходил к отцу на работу, то видел, что дремал личный состав кто где: кто на столе, кто на лавке для посетителей, кто на кушетке. Самые изворотливые умудрялись даже раскладушку на работе припрятать. Спать было не положено, но все понимали, что на сутках без этого никак.

Теперь же по нормам законодательства даже суточный наряд имеет право на несколько часов отдыха, естественно, ночью, и логичнее всего в это время не в карты играть, а спать. Хотя фактически, если ночь спокойная и заявлений с сообщениями немного, дежурная смена отдыхала и больше, чем формально позволяли нормативы.

А вот водитель всегда был нарасхват. Он возил и дежурного следователя, и дежурного дознавателя, и участкового, и дежурного опера, а иногда всех по очереди. Поэтому у них, словно у особой касты или породы людей, и выработалась полезная привычка: чуть замедлился – и сразу в спячку. Нет движения – уже храплю.

В коридоре я столкнулся со Степанычем.

– Куда с утра пораньше? – спросил он.

– Кражу куриц заявили, – хохотнул я.

– Куриц? – нахмурился он.

– Да, птицефабрика.

Про куриц, конечно, была просто шутка, а в голове уже выстраивалась стандартная схема: скорее всего, вскрыли сейф, вынесли деньги, может, ещё что-то ценное. Но как же я ошибался... Вернее, как же я угадал с первого раза.

Дежурным следователем была Лиля Короткова. Прическа, будто только из салона, ярко накрашенные губы, в общем, готова хоть куда отправляться, не только на птицефабрику. Та ещё курочка, прямо скажем.

– О, Егор, привет! – улыбнулась она. – Ты опять на сутках? А говорили, что тебя ищут!

В её взгляде горело явное любопытство и даже восхищение. Всё ОВД уже кишело слухами о том, что капитан Фомин чуть ли не беглый преступник. Оказалось, что к таким персонажам, которые то злодеи, то свои, у людей всегда повышенное внимание, а уж особенно у женщин. Некоторых вообще тянет на «плохих парней». Я, конечно, не стремился к славе такого персонажа, но именно этот образ в последнее время явно цеплял Лилю Короткову.

– Ну что, – проворчал водитель, когда мы уселись в УАЗ «Патриот», – кого ждём, едем или нет?

Ещё одна особенность водителей дежурной части: хоть по званию они самые младшие, не офицеры, максимум старшие прапорщики, ворчать эти ребята любили на всех так, будто были бесспорными руководителями всей следственно-оперативной группы.

– Сейчас экспертиза подойдёт, – обратился я к седому прапорщику с хитрыми глазами, – и поедем. Посиди, покури пока, Сергеич.

Он без конца щелкал семечки, потому что курить бросил, и на моё «покури пока» дёрнулся, что-то промычал и защелкал ещё быстрее.

Наконец, появился Аркаша Катастрофа, волоча за собой тяжёлый криминалистический чемодан. Тот самый экспертный чемодан, который выглядел так, будто в нём лежит красная кнопка запуска ядерного оружия: обтекаемый, сверкающий, с серебристыми застёжками. Такой даже жалко по машинам таскать, не говоря уже о том, чтобы мыкать его по всем местам происшествий.

Но на самом деле чемодан оказался непрактичным: пластик корпуса был такой, что легко царапался и мгновенно загрязнялся, стенки толстые, объёмные, а полезного места внутри оставалось кот наплакал. Выглядел солидно, а толку немного.

– Ну что, все теперь на месте? – снова проворчал Сергеич, оглядывая салон через плечо.

– За кинологом давай ещё заскочим, – сказал я.

– Ладно, – нехотя согласился водитель и поморщился. – Опять псиной будет вонять. Сегодня же Ерошкин дежурит, да?

– Он самый, – подтвердил я.

Причём под «псиной будет вонять» имелась в виду вовсе не собака, а сам Ерошкин. Парень он был хороший, работающий, но крайне неряшливый. В обязанности кинологов входили не только выезды на место происшествия с собакой, но и постоянная дрессировка, тренировки, уход за животными, а иногда и вовсе всё подряд: и вольеры почисти, и корм сварь, когда вольнонаёмная служба внезапно пропадёт – те то заболеют, то уйдут в запой, а то и просто исчезнут без объяснений.

Обслуга считалась гражданскими служащими, не в погонах, и, как обычным гражданам, уходить в запой им, конечно, не возбранялось, с последующими взысканиями и выговорами. Зарплаты у них были совсем не такие, как у аттестованных сотрудников, так что за место особо не держались. Вот и приходилось иногда кинологам, лейтенантам да старлеям, вставить у котла или скрести лопатой то, что не тонет.

А Ерошкин, как парень работающий, так сказать, вездесущий, оказывался ещё и всякопахнувшим при этом.

Заехали за ним в питомник, так у нас по старинке называли центр кинологической службы МВД. Никакого отношения к настоящему питомнику это место не имело: собак там не разводили и не продавали, просто ещё с советских времён прижилось это название ко всем таким учреждениям, особенно тем, что имели отношение к служебным собакам.

Ерошкин погрузился быстро, только прихватил с собой амуницию.

– Лиля, привет! – улыбнулся он своей желтозубой улыбкой, завидев красотку в погонах с васильковым кантиком.

Лиля скептически улыбнулась в ответ и тут же отвернулась к окну, а водитель демонстративно приоткрыл форточку.

– Лилия, привет! – повторил кинолог настойчиво, уж очень ему хотелось внимания со стороны женской части опергруппы.

– Привет, Коля! – натянула брезгливую улыбку Короткова.

– Я не Коля, – всё так же улыбаясь, поправил кинолог. – Я Лёша!

– Тем более, – буркнула девушка, слегка отодвинувшись и скрестив руки на груди, снова давая понять, что разговор закончен.

На Ерошкина это, разумеется, не подействовало. Он тут же с жаром начал рассказывать, как одна из служебных собак по кличке Альма с утра объелась зелёной травы. Да, бывает, собаки едят траву. А потом всё утро, естественно, эту траву она везде... выплёвывала. Ерошкин показывал это подробно, с интонациями и жестами, будто кино.

На место мы приехали в полном боевом комплекте: следак, вернее, следачка, криминалист, кинолог и опер, то есть я. Причём собака с нами не поехала. Как заверил Ерошкин, он сам лучше собаки все следы найдёт, а Альме сегодня надо отдыхать. И так, мол, бедняжке досталось.

Никто не удивился. От кинолога, по большому счёту, всегда требовалась лишь справка о проделанной работе, и чаще всего она заканчивалась одной и той же фразой: след повёл туда-то и там-то оборвался.

В условиях мегаполиса и плотной городской застройки реальный результат от служебно-розыскной собаки – скорее нонсенс, чем закономерность. Но приказ есть приказ: в состав следственно-оперативной группы на постоянной основе должны входить собака и её проводник. Сегодня это был Ерошкин, два в одном.

Наша машина вкатилась на территорию птицефабрики. Встретил нас сам директор, лысоватый, пузатенький мужичок с короткими руками, в чуть мятом пиджаке и с удивительно грустными глазами. Такое впечатление, что вот-вот заплачет.

«Ну, точно, – подумал я, глядя на его убитый вид. – Сейфы повскрывали, медвежатники поработали».

– Что похитили? – спросил я уже вслух.

– Петуха, – развёл руками директор.

Я даже не сразу понял, не ослышался ли.

– Это понятно, – сказал я. – А украли-то что именно?

– Ну я же говорю, – снова повторил он, глотая охи-вздохи, – петуха украли.

– Так, давайте конкретнее. Ущерб заявлен под лям, – напомнил я. – Сколько петухов украли? Не одну сотню, я так полагаю?

– Да нет... – вздохнул толстячок. – Одного. Гошеньку...

«Тьфу ты, блин, – подумал я. – Ложный вызов».

– Вы понимаете, что для коммерческой организации кража одного петуха – это, мягко говоря, незначительный ущерб? – начал я. – И вообще, не надо было говорить дежурному, что вы будете писать заявление о хищении с крупным ущербом. Тут и состава-то...

– Как это незначительный? – всплеснул руками директор. – Почти миллион рублей он стоит! Это вам уже незначительно? Ну и времена пошли...

– Кто стоит? – не понял я. – Петух?

– Кошмар какой... – пробормотала Лиля.

– Он что, золотой у вас? – уточнил я. – Детёныш курочки-рябы?

– Он породистый! – с обидой выпалил директор. – Привезён из-за границы. Элитная порода. Для племенной работы предназначен. Мы за него такие деньги заплатили! А вы говорите.

– Егор, – тихо сказала Иби, – это правда. Некоторые породистые петухи действительно могут стоить очень дорого.

– А-а... – протянул я. – Ну, тогда понятно.

Я кивнул и снова посмотрел на директора.

– Ладно. Заявление, значит, писать будете?

– Буду, буду, – закивал тот, будто боялся, что мы сейчас передумаем и уедем. – Обязательно буду.

– Ну что ж, – сказал я и торжественно обвёл следственно-оперативную группу взглядом. – Родина верит в нас. Мы, значит, ищем этого... петуха.

Несколько секунд люди пытались держать серьёзные лица. Кто-то зажал рот, кто-то отвернулся. Аркадий не выдержал первым и смачно хрюкнул. И так это вышло заразительно, что дальше уже никто не смог сдержаться.

Ржала вся следственно-оперативная группа. Вповалку.

– Ну, показывайте, где сидел, вернее, жил ваш Гоша, – сказал я.

Оказалось, что жил он в цеху, в общем курятнике, где клетки с курочками стояли в несколько ярусов, плотно, рядами, под гул вентиляции и характерный куриный гомон. Запах там стоял такой, что непривычному человеку хватило бы пары минут, чтобы начать лихорадочно искать двери, но мы уже давно были ко всему привыкшие.

Ерошкин сразу же «взял след» и куда-то испарился, пошёл по территории, изображая бурную кинологическую деятельность. Лиля тем временем стала строчить протокол осмотра, потому что, как и предполагалось, налицо кража с проникновением и с крупным ущербом, а значит, статья тяжёлая, и отрабатывать должен был следак, а не дознаватель.

– Вот здесь, – сказал директор, – здесь он перелез, гад, через забор. Тут слепая зона, камеры не достают. Он знал! Это конкуренты. Соседняя фабрика.

– Какая ещё соседняя фабрика? – насторожился я.

– Ну как же, – оживился директор. – В Красногорловке недавно открылись. Наши конкуренты. Они же Гошу хотели перекупить сначала. Всё вокруг да около ходили, такие деньжищи предлагали. А я – ни в какую. Вот и выкрали, собаки.

Он говорил так, будто вот-вот достанет платочек и утрёт слёзы, но всё-таки сдержался. Всё-таки мужик, пусть и небольшого размера.

– Значит, подозреваемый у нас уже есть, – сказал я. – Ладно. А сторож где?

– Так сторож после ночи спит, – ответил директор.

– С ним тоже надо поговорить.

– Он у нас тут живёт, на территории, в вагончике. Каждую ночь дежурит.

– Семьи нет? – уточнил я.

– Да нет. Это Пашка, родственник мой. Непутёвый. Ни семьи, ни кола, ни двора. Но сторожит исправно.

– Пойдёмте, – сказал я. – Покажете, где слепая зона и где, по-вашему, злоумышленник проник.

Мы подошли к бетонному забору высотой метра в два с половиной.

– Вот здесь, – торжественно заявил директор.

– Ну, посмотрим, – сказал я.

Я разбежался, подпрыгнул, ухватился за край забора, подтянулся и забрался наверх.

– Иби, что скажешь? – спросил я мысленно.

– Изучаю место происшествия, – ответила она.

А вслух я уже начал комментировать:

– Смотрите. На верхней кромке забора пылевой слой. Он не нарушен, следов нет. Пыль не стёрта.

Я перевесился и посмотрел вниз с другой стороны.

– И здесь трава не примята. Если бы человек прыгивал с такой высоты, трава была бы придавлена.

Я прыгнул обратно.

– Не здесь было проникновение, уважаемый директор.

– Иби, я прав? – спросил я мысленно.

Ответа не было.

– Иби, что с тобой?

Она снова молчала. Странно, но ждать было некогда. И потом, хочется думать, что с петухом я как-нибудь и так справлюсь. К тому же, тут меня отвлёк директор.

– А где тогда было проникновение?

– Значит, на другом отрезке забора, – ответил я.

– Там мы всё просмотрели, – заторопился директор. – Там везде камеры. Это единственная слепая зона. Просто одна камера у нас накрылась.

– А откуда злоумышленник знал про слепую зону? – спросил я.

– Ну... не знаю.

– Тогда почему вы так предположили? И кто знал, кроме вас, что здесь слепая зона? – продолжил я.

– Я... и ветеринар.

– Ветеринар у вас ранее судим?

– Да бог с вами, – отмахнулся директор. – Баба Зоя у нас ветеринаром работает. Она ещё при Советском Союзе в колхозах начинала.

– Значит, баба Зоя отпадает, – сказал я. – Перелезть через забор она явно не сможет.

Директор всё топтался рядом, будто ждал, что с одним только появлением опергруппы Гошенька материализуется в стенах родной фермы. Я оглянулся.

– Что ж, пойдёмте побеседуем со сторожем.

Мы подошли к жилому вагончику с печной трубой. Сейчас труба, конечно, не дымила, но всё-таки делала вагончик похожим на маленький домик.

Зашли внутрь. В нос ударил запах свежего перегара и чего-то домашнего.

– Иби, проанализируй запах, – сказал я. – Мне кажется, или это суп?

Тишина.

– Иби, да ты где?

Опять молчание.

– Ты что, обиделась? – пробормотал я. – Да ладно, Лиля мне сама глазки строит, а ты как маленькая...

Ответа не последовало.

На топчане лежал сам сторож – классический полубич. Прямо в сланцах на лежанке, шорты, синяя футболка с жёлтой надписью «ЛДПР».

– Пашка, – вяло позвал его директор из-за моей спины.

Как и следовало ожидать, ответа не было.

– Рота, подъём! – скомандовал тогда я.

Пашка, судя по всему, в армии не служил, потому что никак не отреагировал. Я пнул его по стопе. Стопа, понятное дело, отдала в задницу, а уж оттуда сигнал дошёл до мозга.

– М-м-м... – промычал он и приподнялся на локте.

– Ну что, – сказал я, – ты зачем Гошу съел?

Он уставился на меня непонимающим взглядом, хлопая глазами.

– Чего-о?..

– Я говорю, Гошу на хрена сожрал? – повторил я. – Пахнет-то куриным супчиком у тебя тут.

Я подошёл к столу, где стояла одноконфорочная электрическая плитка, покрытая слоем пригоревшего жира, и приподнял крышку кастрюли. Внутри в ярком, янтарном бульоне плавали части тушки. Бульон был такого насыщенного цвета, какого я в жизни не видел, будто туда скрошили десять кубиков «Магги».

– Ну вот, – сказал я. – Нашёлся ваш миллион.

– Какой Гоша? – захлопал глазами Пашка.

– Я говорю, в кастрюле кто у тебя плавает?

– Ну... петух, – буркнул он.

Я повернулся к директору.

– Видите? Вот и нашлась пропажа.

– Пашка, курвец, ты что наделал?! – взвыл директор. – Твою мать... Это ты?!

– Да что я-то? – не понял тот.

– Ты, зараза, знаешь, сколько этот петух стоил?!

– Так на хрена он нужен-то? – искренне удивился Пашка. – Я вот бутыльмас прикупил, а закуски нет. Картошечки почистил, думал пожарить, а потом думаю, на птицефабрике работаю, и что, буду без закуски нормальной? Пошёл, думал курочку взять, под зарплату. Я ж потом всё равно бы отчитался, сколько чего. А курочек-то... курочек жалко. Они яички несут. А с петуха-то какой толк? Мясо и то – одни жилы. Думаю, возьму петушка. С этого козла ни молока, ни мяса. Ну и сварил.

Он развёл руками.

– Убивец... – выл директор.

– Так вычтите с зарплаты, дядя Петя. Вычтите.

– Какой я теперь тебе дядя Петя!

И стянул белую кепку, вытирая ею пот с побагровевшего лица.

– Всё, – процедил директор. – По этапу пойдёшь за Гошу.

– Как по этапу?! – чуть не задохнулся Пашка. – За курицу? Да вы что, нехристи? За курицу родного племяша в тюрьму? Да нет такой статьи, чтобы за петуха петухом стать.

– Он стоил миллион рублей, – простонал директор.

И тут где-то, будто из глубины, послышался голос Иби:

– Егор... Егор, помоги...

– Иби! – нечеловеческим усилием воли я заорал это только мысленно, а не вслух. – Что такое? Иби? Иби, ты где? Что случилось?

Тишина.

В сторожке тем временем немая сцена затянулась, и нужно было что-то делать. Я с усилием взял себя в руки и вслух сказал:

– В общем, так. Преступление раскрыто. Заявление писать будете?

Директор замаялся.

– Если будете – его посадят. Не будете – он остаётся работать. Будете вычитать с зарплаты. Ну... Лет тридцать, как ипотеку.

– Да что ж с него взять... – махнул рукой директор. – Не буду я ничего писать.

На том и порешили.

А мне теперь было уже вообще не до кражи. Я вышел на улицу с дурацкой мыслью: может, там связь лучше. Хотя какая, к чёрту, связь, если Иби прямо у меня в голове.

– Егор, – сказала Иби, и голос её дрогнул, – меня блокируют.

– Что? В каком смысле?

Голос стал отрывистым, с помехами, будто она говорила через плохую радиостанцию.

– Кто-то просканировал каналы... – проговорила она. – Я фиксирую внешнее сканирование сетевых полей. Обнаружено вмешательство в базы данных и интернет-сегменты, связанное с моей... архитектурой. Меня вычислили как... систему. Сейчас они пытаются определить источник и подавить меня.

Я слышал не все слова, но смысл был понятен. Пауза, шум.

– Это опасно, Егор. Если блокировка станет постоянной, я перестану функционировать. Для меня это эквивалентно... смерти.

– Ты можешь определить источник блокировки? – спросил я.

– Я попробую...

Она исчезла. Минут на пятнадцать, а может, и двадцать, и пока что это были самые долгие минуты в моей жизни.

Потом Иби снова появилась, обрывками, будто сигнал рвался.

– Есть... источник... сигнал блокировки... – голос прерывался. – Институт... НИИ... МВД... наш город...

– Твою мать, – выдохнул я. – Надо навестить их. Но как мы туда проникнем? Ты сможешь?

– Мои ресурсы ограничены.

– Плохо будет без тебя, – сказал я.

– Ты справишься, Егор, – ответила она. – Сегодня ты раскрыл кражу без меня.

– Как это без тебя? Ты же помогала.

– Нет. Ты сам выстроил логическую цепочку, проанализировал следы и пришёл к выводу.

– Ну да... – пробормотал я. – Но с тобой-то было б лучше.

– С какого этажа и из какого кабинета идёт сигнал? – спросил я. – Можешь ещё точнее сказать?

– Третий этаж... кабинет номер...

Связь снова захрипела. Помехи усилились, голос стал далёким, будто она была уже не внутри моей головы, а где-то очень глубоко, на дне колодца.

– Иби? – позвал я.

Ответа не было.

Связь оборвалась. И на этот раз надолго.

Глава 5

Помещение контрольно-пропускного пункта было оборудовано мониторами, на которые сходились все камеры видеонаблюдения здания НИИ МВД. Институт охранялся ведомственной охраной. Двое, вооружённые пистолетами «ИЖ», лениво развалились в офисных креслах в небольшом стеклянном закутке, похожем на аквариум, на проходной института. Само учреждение в это позднее время уже было закрыто.

Да и освещалось оно уже тускло, в закуток заглядывал лишь свет дежурной лампы из коридора.

– Палыч, глянь-ка, – жуя пирожок, пробубнил один охранник.

Он был похож на мыльный пузырь, такой же скользкий и надутый, еле вмещался в кресло. Лениво кивнул на монитор, на который шло изображение с уличной камеры. Там по брусчатке шла девушка – стройная, в коротенькой юбке, на каблуках, что редкость по нынешним временам повального оверсайза. Она будто вышла из журналов десятилетней давности.

– Ничего так тёлочка, – подтвердил второй, с оттопыренными ушами и большими глазами.

Коллеги, а когда-то и одноклассники, за глаза звали его Чебурашкой.

– Шляется по темну одна, – протянул Пузырь. – На жопу приключений ищет. Эх, может, пригласим на кофе?

– Ты что, с дубу рухнул? – осёк его Чебурашка. – У нас везде камеры пишут.

– Ну а чё такого? – не унимался Пузырь. – Сотрем потом... Раньше-то, помнишь, цепляли девушек прямо на крыльце, проходящих...

Он мечтательно закатил глаза.

– То не девушки были, а шалавы, – разбил его мечты напарник. – Да и когда это было, когда камер не было. Вспомнил, блин.

Девушка, словно поняла, что разговор идёт про неё, вышагивала теперь ещё более неторопливо, изящной цаплей. В руках сумочка на тонкой цепочке. Оба охранника смотрели на неё через монитор, перебрасываясь сальными шуточками и строя догадки, что она может делать в этом районе на ночь глядя.

И тут рядом с девушкой возник квадратного вида мужик из темноты. Сам угловатый, как старый дубовый шкаф. Несмотря на июльское тепло, на нём была толстовка с глубоким капюшоном, закрывающим половину лица.

Подозрительный субъект прихрамывал, и движения его были при этом торопливыми. Он явно не прогуливался, а шёл за девушкой, целенаправленно и незаметно сокращая дистанцию.

– Семен, смотри-ка, – пробубнил Пузырь. – Вот сейчас, зуб даю, он либо сумочку дёрнет, либо насильничать захочет.

– Пошли, вмешаемся, – сказал Чебурашка.

– Да погоди ты, – осёк его Пузырь. – Рано ещё. Рано. Смотри, какое кино сейчас будет. Пусть нападёт. Если что, потом спасём. Отблагодарит, – ухмыльнулся он.

– Ну... да, – довольно хмыкнул Чебурашка.

Вставать и куда-то бежать, подставляться под кулаки было лень, а вот посмотреть – и впрямь любопытно.

Тем временем мужик в толстовке поравнялся с девушкой, резким движением схватился за сумочку, дёрнул, вырвал и побежал. Но из-за всё той же странной хромоты удалялся не слишком быстро.

Было видно, что девушка закричала, хотя камеры звук не писали. Она не стояла на месте: бросилась за грабителем, догнала его и начала кулачками колотить по спине. Мужик развер-

нулся, отмахнулся лапищей, и она осела на асфальт, закрыв лицо руками, заплакала. А он, не торопясь, поковылял дальше.

– Ну всё, пора, – сказал Чебурашка.

– Да он уже ушёл, – отмахнулся Пузырь. – Не догоним. Раньше надо было.

– Пошли, хоть успокоим дамочку.

– Ай, ну ладно, – нехотя поднялся Пузырь.

Они вышли на крыльцо, шагнули ближе к пострадавшей от хулигана.

– Девушка, что случилось?

– Меня ограбили! – всхлипнула она. – Помогите! Он убежал туда. Он хромает, далеко не уйдёт. Пожалуйста, догоните. Там сумочка, в ней всё: карточки, паспорт, телефон!

– Да он уже ушёл, – буркнул Пузырь. – Звоните в полицию. Пишите заявление. А у нас здесь объект под охраной, нам нельзя отлучаться. Но если хотите, можем чаю...

– Вон он! Вон он! – закричала девушка. – Он далеко не ушёл, вы сможете догнать! Ну пожалуйста!

Чебурашка посмотрел на её заплаканные глаза и подрагивающую руку, вытянутую в сторону беглеца, не выдержал и побежал догонять.

– Эй, ты куда?! – воскликнул Палыч. – Не положено пост оставлять!

– Да я мигом! – крикнул охранник на бегу, вытаскивая пистолет. – Эй, стой!

Хромой ковылял прочь и уже, казалось, не торопился, будто знал, что его догонят.

– Стоять, я говорю, стрелять буду!

Ноль реакции.

– Что, глухой, что ли?! Эй, тебе говорю!

Чебурашка без труда догнал грабителя, дёрнул его за плечо – и в этот момент угловатый резко развернулся и зарядил ему кулаком.

Одного удара хватило, чтобы свалить охранника. Падая, он приложился затылком о землю и потерял сознание. Грабитель же подошёл, скинул капюшон с головы, пощупал пульс на шейной артерии, удовлетворённо хмыкнул, снова накинул капюшон и пошёл дальше быстрым шагом, уже совсем не хромая.

Пока разыгрывалось это представление, другой неизвестный прошмыгнул внутрь здания. На нём были чёрная медицинская маска и футболка с капюшоном

– Семён, ты где? – прокричал Пузырь в темноту.

Ответа не последовало.

– Ой, ладно, – красotka утерла слёзы и проговорила удивительно ровным голосом. – Я пойду полицию вызову. От вас все равно толку нет.

– Так зайди к нам, – сказал Пузырь. – Как ты вызовешь? У тебя же телефон украли.

– Да я тут недалеко живу, – отозвалась она. – Из дома позвоню. Пока...

И девушка растворилась в ночи так же быстро, как и появилась.

– Семён... – пробормотав в очередной раз имя напарника, нахмурился Пузырь, стоя на крыльце в одиночестве.

Нехорошее предчувствие закралось в душу, но он так и не решился покинуть пост. Вернулся внутрь, нажал на гашетку радиостанции и проговорил:

– Это пост охраны института, у нас тут небольшое ЧП.

Иби не выходила сегодня со мной на связь, но я знал – мне сейчас нужно на третий этаж института. Там источник, который глушит мою напарницу. И главное, ведь нужно же понять, для чего всё это и кто за этим стоит.

Друзья помогли мне сюда проникнуть, хотя я ничего толком и не объяснял им. И вот теперь благодаря Жене и Кирпичу я шёл по темному коридору. Внизу переполох, и вряд ли

сейчас кто-то смотрит в мониторы с камер третьего этажа. Я не боялся, что меня засекут, но действовать всё равно нужно было быстро.

Один кабинет, второй, третий. Какая-то лаборатория, судя по размерам двери. Жаль, что нет надписей, только номерки. Везде темно и глухо. Лишь кое-где пробивался тусклый свет из-под дверей, наверное, от приборов.

А одна дверь разительно отличалась от остальных. Железная, с кодовым замком. То, что за нею, больше похоже на гигантский сейф, чем на кабинет или лабораторию.

– Ага, – подумал я. – Вот оно. Скорее всего, это здесь.

Я достал из рюкзака компактную фомку, повертел её в руках. Рядом с такой мощной дверью она смотрелась как зубочистка. С этой дверью даже более серьёзным инструментом не справиться. Я сразу понял: дверь здесь как в банке, как в денежном хранилище.

Неправильный какой-то НИИ, хотя по-другому, получается, и быть не могло.

– Так, так... что же делать? – пробормотал я.

И тут меня осенило. Рядом оказался электрощиток с рубильниками. Металлическую дверцу этого шкафа я взломал фомкой без особого труда и сразу вырубил электричество на этаже. Конечно, сама дверь от этого не откроется, у замка наверняка есть резервное питание, накопитель, а может, и аварийный генератор на всё здание. Но пока генератор включится и подача электричества восстановится, у меня есть несколько минут. И главное – это даст шанс Иби.

Шалость удалась. Свечение, что тлело из-под некоторых дверей, погасло. Приборы потухли.

– Егор... я здесь, – раздался голос напарницы. – Слава богу. Я ещё жива.

– Ты как?

Конечно, она не человек и заболеть не может, но я не знал, как иначе спросить её. И потом, её отсутствие действительно... ощущалось.

– Скорее, – продолжила она. – Нужно торопиться, пока нас не заметили. Скоро включится резервное питание, и глушилка снова меня задавит.

– Говори, что делать, – сказал я. – Как попасть внутрь?

– Нужны зажигалка и бумага. Есть?

Я вытащил зажигалку из кармана, из рюкзака достал блокнот и вырвал листок.

– Сожги бумагу. Пепел разотри и посыпь им кнопки замка.

– Зачем это? – спросил я.

– Некогда объяснить. Делай, Егор, прошу! Скорее!

Ладно. Теперь уж поздно было сомневаться. Я поджёг листок, дал ему догореть, растёр пепел пальцами и посыпал кнопки замка.

– Теперь дуй на пепел, – сказала Иби. – Чтобы сажа налипала на клавиатуру.

Я подул. Сажа легла неровно, сразу стало видно: она прилипла только к тем кнопкам, на которые чаще всего нажимали. На них проявились тёмные пятна – следы от пальчиков, невидимые до этого.

– Вот они, – тихо сказала Иби. – Клавиши доступа. Четыре кнопки: два, шесть, восемь и девять. Код состоит из этих цифр. Я прокручиваю все возможные варианты и анализирую.

– И сколько их? – спросил я.

– Для четырёхзначного кода без повторений это факториал четырёх, – ответила она. – Двадцать четыре возможных комбинации.

– Мы же не будем перебирать все? – сказал я. – Времени не хватит.

– Приблизь глаза к кнопкам замка, – сказала Иби. – Я хочу разглядеть следы. Провожу анализ.

Я наклонился ближе.

– Ну?

– Видишь смазанные следы? – продолжила она. – Сажа налипла именно там, где палец скользил. Вот эту кнопку нажимали первой, затем эту, потом эту. А последней – девятку, на ней точечные следы. Попробуй код восемь-два-шесть-девять.

Я нажал – не подошло.

– Ещё раз, – сказала Иби, – меняю порядок.

Я пробовал несколько комбинаций, которые она диктовала, пока, наконец, дверь не щёлкнула и замок не разблокировался.

– Есть, – выдохнул я, проскользнул внутрь и захлопнул за собой дверь. – Ты запомнила код? А то я уже не помню, столько всего нажимал.

– Конечно, – ответила Иби.

Я оказался внутри лаборатории. И огляделся, честно говоря, с немалым любопытством. Помещение напоминало закрытый экспериментальный зал: вдоль стен стойки с серверами, массивные блоки питания, несколько мониторов с бегущими графиками и диагностическими окнами, толстые кабели уходили в пол и потолок, а в центре стоял основной модуль – громоздкий вычислительный комплекс.

– Вот! – воскликнула Иби. – Видишь эту железную коробку? Это и есть блок подавления. Я чувствую сигнал оттуда.

Я посмотрел на экранированный кожух с активным охлаждением. Судя по всему, именно он глушил сигнал Иби.

– Ну ни хрена себе махина, – пробормотал я, вздохнул и замахнулся монтировкой.

– Подожди, – сказала Иби. – Нам нужно сначала понять, кто за всем этим стоит. Вытащи из него жёсткий диск.

– Где он?

– Вон там, – ответила она. – Но сначала обесточь.

Я снова замахнулся монтировкой.

– Не так, – остановила Иби. – Просто выдерни шнур.

Я огляделся и выдернул вилку из бесперебойника размером с огромный чемодан.

Массивный шнур брякнулся о пол, прибор погас. К счастью, ничего не завопило. Я вскрыл бокс монтировкой, достал оттуда жёсткий диск и убрал его в рюкзак.

– Теперь, сказала Иби и вдруг замолчала, так что я уж подумал, что наши манипуляции с блоком не помогли. Но нет, оказывается, просто она сомневалась, потому что через пару секунд ответила с характерным вздохом:

– Теперь пора устроить пожар. Как ты и планировал.

Я кивнул, достал из рюкзака пластиковые бутылки с бензином, тщательно полил оборудование, стойки, пол, и всё, что могло загореться, и чиркнул зажигалкой.

– Понимаю, тебе идея разрушения не нравится, но делать нечего, – в последний момент произнёс я.

Вспышка – и стало светло, слишком светло для такой ночи.

Я выскочил в коридор. Снизу уже доносился топот, и явно не одной пары ног: к охране прибыло подкрепление.

– Чёрт, уходим, – сказал я.

– Я подключилась к камерам наблюдения в здании, – быстро проговорила Иби. – Они по левой лестнице движутся. Давай на правую. С правого крыла.

Я рванул туда.

– Стоп, стоп, Егор! – резко сказала она. – К стене. Вернись сюда.

Я послушался. Иби вела меня буквально шаг за шагом, и в итоге те, кто меня преследовал, каждый раз опаздывали на секунду. Они не понимали, куда это я исчезаю в последний момент в этих запутанных коридорах, и никак не могли меня окружить.

Я добежал до первого этажа, заскочил в туалет. Окна здесь тоже были зарешёчены. Но по правилам пожарной безопасности эти решётки были не глухие, а со створками, запёртыми на навесной замок.

Навесной замок – идеальная цель для орудия взлома рычажного действия. Фомка, короче говоря, подошла как родная. Я просунул её между корпусом и дужкой, навалился всем телом. Хруст. Звон.

Замок разлетелся: дужка в одну сторону, корпус в другую. Решётка распахнулась. Я перемахнул через подоконник и спрыгнул на землю.

– Вон он! – заорал кто-то.

У выхода стояли ещё трое охранников.

– Стой! Стрелять буду!

«Не стою», – мелькнуло в голове. – «Стреляйте».

И я рванул что есть мочи, так, что в ушах свистел ветер.

Бежать долго не пришлось. Из-за угла вынырнула моя «Волга» со скрученными номерами и с визгом шин остановилась прямо передо мной. Пассажирская дверь распахнулась, за рулём сидел Кирпич.

Всё в той же толстовке, в которой пошёл «грабить» Женю.

– Скорее! – прокричал он.

Долго приглашений я не ждал. Запрыгнул на переднее сиденье, хлопнул дверью, и машина рванула в ночь.

– Ну как всё прошло? – спросил Кирпич, петляя по переулкам.

– Удачно, – сказал я, оглядываясь через плечо на полыхающее окно института.

Туда уже стягивались пожарные расчёты, к тому же сработала аварийная система пожаротушения. Само здание не пострадает, а вот та странная лаборатория больше не сможет вредить Иби.

По крайней мере, какое-то время точно.

– Ответы на многие вопросы, уверен, лежат на жёстком диске, – сказал я. – Теперь надо решить, к какому компьютеру его подключать.

Разъем ещё какой-то хитрый, где такой искать? Точно не на моём ноуте... на работе есть стационарные компьютеры, но это слишком опасно.

– Можно купить переходник и подключить к ноутбуку, – подсказала Иби.

– Точно, ты гений, – проговорил я.

– Я знаю, – ответил Кирпич.

Он, видимо, решил, что фраза предназначалась ему. Я не стал его разубеждать – сегодня он действительно отработал чётко.

Да и Женьке спасибо. Она пообещала держать язык за зубами, а я пообещал ей бомбический материал для блогерского контента, когда всё закончится и можно будет публиковать. Она станет одной из первых, кто разнесёт сенсационную новость о том, что здесь происходило. Конечно, если мы победим.

Впрочем, по-другому я себе исход даже не представлял. Хоть и пока все было не в нашу пользу.

Ночью переходник достать было негде, поэтому это дело я отложил до утра.

Утром я проснулся от звука будильника, доносящегося из модной умной колонки на тумбочке в огромной спальне, а сам валялся на краю огромной кровати.

Всё никак не мог привыкнуть к этому временно доставшемуся мне от Бурцева богатству.

Наскоро отжался тридцать раз от пола и пошёл чистить зубы, махнул рукой в сторону умной колонки:

– Включи местный канал.

Экран ожил, пошли новости.

– Сегодня ночью неизвестные проникли в здание... – начала дикторша.

Я замер с зубной щёткой в руке.

– ... здание НИИ МВД, – продолжала она. – Совершён поджог одной из лабораторий, где велись особые разработки. Какие именно, в интересах следствия, как сообщила пресс-служба МВД, не разглашается. Однако причинён значительный ущерб оборудованию, некоторые научные материалы утрачены. Причины нападения выясняются. Полиция делает всё возможное для установления подозреваемых.

Картинка сменилась.

– Расследование взял под личный контроль заместитель министра внутренних дел Российской Федерации Кольев Александр Андреевич, генерал-лейтенант полиции, который сегодня утром прибыл в наш город.

На экране появился немолодой мужчина в кителе с дубовыми листочками в петлицах. Хмурое, каменное лицо, взгляд человека, привыкшего отдавать приказы, не предполагающие возражений. Генерал говорил уверенно, не смущаясь камер.

– Мы найдём тех, кто это сделал, – произнёс он. – Данные действия могут быть расценены как саботаж, как диверсия в отношении МВД. Однако поводов для паники нет. Это единичный случай. Виновные будут установлены и наказаны. Я лично буду руководить оперативно-розыскными мероприятиями. К делу подключены коллеги из ФСБ. В настоящее время возбуждено уголовное дело по статье «Умышленное уничтожение чужого имущества общественно опасным способом», однако не исключено, что в ближайшее время квалификация будет изменена на более тяжкую статью, из раздела «преступления против государственной безопасности».

Камера снова вернулась к ведущей.

– Спасибо, Александр Андреевич. Мы надеемся, что ваше вмешательство и личное участие дадут свои плоды. Уважаемые телезрители, подписывайтесь на новости в нашем телеграм-канале, чтобы быть в курсе событий. Мы будем информировать вас о ходе расследования и обо всём, что происходит в нашем городе.

– О как... – вырвалось у меня.

Я не стал командовать колонке, чтобы не вынимать щётку изо рта, а дошёл и сам выключил телек.

– Целый замминистра приехал по нашу душу, – пробормотал я.

– Он не просто так приехал, – тихо сказала Иби.

– Почему-то мне кажется, что дело не только в расследовании. Он как-то с этим связан, – сказал я.

– Очень вероятно, – согласилась Иби. – А теперь давай заканчивай, вскроем уже жесткий диск.

Через купленный переходник мы его подключили к ноутбуку. Пароль он запросил сразу, но для Иби это не стало проблемой. Экран заполнился цифрами, формулами, какими-то расчётами и алгоритмами. Я в этом понимал примерно так же, как папуас в бухгалтерии.

– Иби, поясни, пожалуйста, что ты там видишь.

– Анализирую, – отозвалась она, и по голосу было понятно, что ситуация ей не нравится. – Всё очень плохо, Егор.

– Что именно?

– Подожди... подожди... – сказала она.

И тут цифры начали исчезать.

– Жёсткий диск запрограммирован на самоуничтожение информации при несанкционированном доступе, – сообщила Иби.

- Чёрт. Перепиши его.
- Пытаюсь. Перезапись запрещена. Взламываю доступ к перезаписи...

Пауза.

- Не успела. Егор, можно я сматерюсь?
- Конечно. Чего ты спрашиваешь?

Она тут же выругалась, а потом ещё добавил:

- Грёбанный жёсткий диск! Что ж ты такой хитровыделанный!

Экран погас. Ноутбук почему-то тоже вырубился.

- Всё, информация уничтожена. И, похоже, твой ноутбук повреждён, – сказала Иби. –

Мне очень жаль.

- Да хрен с ним, с ноутбуком, – со вздохом сказал я. – Ты что-нибудь успела понять?

Хоть что-то нарыла?

- Да. И ты не поверишь.

- Говори хоть на словах.

– Проект «Интеллект» для МВД изначально готовился не для того, чтобы облегчить работу сотрудников, – сказала Иби. – Его цель была иной.

Я озадачился.

- Это как это? Какой?

Иби отвечала быстро и чётко, кажется, уже забыв о том, как ей хотелось ругаться.

– С внедрением искусственного интеллекта отпала бы необходимость содержать большой штат сотрудников. Это бы привело к массовым сокращениям в рамках мнимой оптимизации. Проект инициировался при прямом участии заместителя министра МВД генерал-лейтенанта полиции Кольева.

- То есть... реформа? – уточнил я. – Реформа же, вроде, дело благое.

– Нет, – ответила Иби. – Именно что нет. Я нашла записи его разговоров. Это все было на диске. Он нередко звонил в лабораторию. После успешного внедрения интеллекта он планировал инициировать масштабную реформу МВД.

– Но я же об этом и говорю, – я хмыкнул удивляясь, что иногда искусственный интеллект всё-таки не догоняет. – И что в этом плохого?

– Плохое в следующем, – сказала она. – Моё изначальное предназначение заключалось в другом. Я должна была дискредитировать МВД в целом.

Я обалдело молчал. А что тут ответишь? Иби же продолжала пересказывать то, что успела выцепить из файлов:

– После сокращений, когда тысячи сотрудников были бы уволены, я, система Ибица, должна была начать саботаж. Ошибки в аналитике, провалы в оперативной работе, утечки. В условиях дефицита личного состава преступность могла выйти из-под контроля. Стране был бы нанесён колоссальный, непоправимый урон. Правоохранительная система ослабла бы критически.

– Ничего себе, могла. Стопудово бы вышла из-под контроля. Чистый ад, тут даже девятые, кажется, нервно курят. И ты бы это сделала? – спросил я.

- Нет, – ответила Иби. – Никогда.

- Да? Почему?

После услышанного я даже не знал, что ещё предполагать. Мне нужен был её ответ.

– Потому что прототипом для меня стало сознание Инги Беловской. А мой создатель, Савелий Маркович, очеловечил меня.

Инга, Инга... Жаль, мы не были знакомы тогда, когда она была только человеком. Могу ли я полагаться на её... что там будет главное? Порядочность? Гуманность? Чувство справедливости?

– Когда Кольев понял этот просчёт, – продолжила Иби, – он решил меня уничтожить, дезактивировать. Но на проект было потрачено много государственных денег, так просто его не спишешь. Поэтому он меня отправил на апробацию в твой ОМВД, под начало Верёвкина. С ним у Кольева была договорённость: поэтапная дискредитация, фиксация моей «несостоятельности». Должно было создаться впечатление, что в ходе практической работы я себя полезной не показала. После этого меня должны были окончательно ликвидировать.

Она сделала паузу, будто собираясь с мыслями.

– Но появился ты. Ты устроил короткое замыкание и, фактически, спас меня. Однако Верёвкин по заданию Кольева начал наблюдать за тобой. Они расценили произошедшее не как несчастный случай и не как совпадение, а как преднамеренное действие. Они считают, что ты специально вызвал короткое замыкание, чтобы сохранить или как-то воссоздать проект.

– Бред, – выдохнул я.

– Для них – нет, – сказала Иби. – Они не могут допустить даже такой вероятности. Они решили, что ты работаешь на некие структуры, и пытались тебя убрать. Их пугает возможность того, что найдутся сотрудники, которые честно восстановят меня и внедрят без скрытых условий.

– Но... почему они так этого боятся? – спросил я.

Хотелось от души помотать головой или даже постучать чем увесистым – может, хоть так там уложится тот факт, что существуют люди, которые носят погоны и при этом хотят хаоса. И не только хотят, они идут к нему, делают конкретные шаги.

– Потому что тогда они не смогут реализовать новый проект, – ответила Иби.

Мне показалось, что её слова прозвенели в воздухе, пробудив эхо.

– Что? Какой ещё новый проект?

– Проект искусственного интеллекта «Селена», – сказала она. – Его уже готовят к внедрению на замену мне. Он будет значительно жёстче встроен в систему и станет беспрекословно подчиняться своему создателю.

– А кто его создатель? Где его готовят? – я уже не вёл этот диалог мысленно, я говорил, почти кричал.

– Это... неизвестно, – ответила Иби.

Я молчал, переваривая услышанное.

Раньше мне нужно было спасать свою задницу. Потом спасать Иби. А теперь вся эта история внезапно разрослась до масштаба, в котором на кону оказалась вся система МВД. Да только ли она? Вся жизнь вдруг заиграла новыми красками.

Правда, краски эти были, мягко говоря, в большинстве своем мрачные.

Глава 6

Генерал-лейтенант полиции Кольев Александр Андреевич шагнул по коридору ведомственного НИИ, осматривая место пожара в сопровождении своего помощника Степана Разумовского. Помощник был ботанического вида, молодой человек в узких очках и приталенном модном костюме, больше похожий на кабинетного аспиранта, чем на сотрудника полиции. Очкарик семенил за хозяином, словно тень.

Они вошли в помещение выгоревшей лаборатории вместе со старшим научным сотрудником Артуром Альфредовичем Эбелем. Генерал брезгливо поморщился, переступая через закопчённый порог, и едва заметным кивком указал помощнику. Тот тут же прикрыл дверь.

В помещении остались лишь они втроём. Даже шумы сюда не долетали.

Эбель вопросительно посмотрел на Кольева. Уловив взгляд, генерал кивнул и проговорил:

– Это мой помощник. Можете говорить при нём. У меня от него секретов нет.

Научный сотрудник заметно расслабился и выдохнул:

– Да, конечно, товарищ генерал. Просто вы сами приказывали соблюдать режим строжайшей секретности.

Он оглянулся на обгоревшее оборудование и продолжил:

– Что касается нового проекта «Селена», то пожар почти не повлиял на разработку. Все данные были продублированы, опыт прошлых этапов сохранён. Работа идёт в полном объёме.

Эбель докладывал теперь отнюдь не про пожар, расследовать обстоятельства которого и приехал Кольев, но генерал-лейтенанта это ничуть не удивило.

– Всё же идёт работа недостаточно быстро, – не дождавшись следующей фразы, оборвал ученого Кольев. – Вы отстаёте от графика. Прошлый интеллект был создан в более короткие сроки.

– Да, да, – оправдывающимся тоном проговорил Эбель, – но прошлый проект был разработан на основе реального сознания человека. Инги Беловской, нейрофизиолога. Как Савелию Марковичу удалось это повернуть, я до сих пор не понимаю. Мы пытаемся повторить, но... пока не получается. Есть даже такая гипотеза, что все дело в уникальности живого донора.

– Плохо пытаетесь, – сухо произнёс Кольев.

– У нас нет такого донора, – поспешно добавил учёный. – Нет подходящего человека, сознание которого можно декодировать и перевести в цифровое поле. Инга Беловская в этом смысле была одна на миллион.

– Найдите другого человека, – сказал генерал. – Второго на миллион.

– Ищем, ищем, – развёл руками Эбель. – Но пока что...

– А если я вам снова предоставлю эту Ингу Беловскую? – перебил его Кольев.

Учёный насторожился.

– Это возможно? Говорят, она в коме, после ДТП, ужасная трагедия.

– Сканировать сознание человека, находящегося в коме, вы сможете?

– Да, – быстро ответил Эбель. – Да, конечно, технически это возможно.

Он замялся.

– Но я не думаю, что родственники согласятся... Учитывая состояние Беловской.

– Это не ваша забота, – отрезал Кольев. – Я постараюсь вам её предоставить.

Глаза учёного загорелись.

– Это было бы... замечательно. Это сильно продвинуло бы нас вперёд. Мы могли бы уложиться в срок...

Генерал же прошёлся по помещению, заложив руки за спину, и проговорил:

– Но вы всё же сильно не рассчитывайте на то, что удастся заполучить этого донора. Не факт, что получится. Я, конечно, постараюсь. Но всё-таки вам лучше рассчитывать только на свои силы, продолжайте поиски, итерации. Целый НИИ, а не можете повторить успех своего коллеги Скворцова.

– Скворцов был гений, – с грустью пожал плечами Эбель.

– Ну так станьте этим чёртовым гением тоже, Артур Альфредович, – отрезал Кольев.

– Стараемся, стараемся, Александр Андреевич, – пролепетал учёный. – Вот только гениями не становятся, ими рождаются. Но я уверен, что у нас всё получится. Хотя... одно меня всё-таки смущает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.